

ДАНИИЛ МАРЕЙЧЕВ

ПЯТЫЙ СЕКТОР

СВИНЦОВАЯ СТЕНА

Даниил Марейчев
ПЯТЫЙ СЕКТОР.
Свинцовая стена

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29829401
ISBN 9785449048400*

Аннотация

Путник Жнец – уставший от приключений человек, который уже не гонится за богатством и славой, мечтающий лишь о тихой жизни вне опасности. Однако, что ждет его, если он откажется от последней работы? Какие тайны прошлого настигнут его? Это и предстоит вам выяснить.

Содержание

Глава 1	5
Ночь	5
Глава 2	15
Вроде дом	15
Глава 3	21
Смирно!	21
Глава 4	36
Добро пожаловать	36
Глава 5	63
Выброс	63
Глава 6	106
Некрус Сакроментум	106
Конец ознакомительного фрагмента.	130

ПЯТЫЙ СЕКТОР

Свинцовая стена

Даниил Марейчев

© Даниил Марейчев, 2019

ISBN 978-5-4490-4840-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ночь

Дождь лил как из ведра. Паскудство какое – то чесслово. Обычно после выброса ветерок то не почувствуешь, не говоря уж про дождь. Ладно, у Зоны свои правила, мне бы добраться до бара, сбуть хабар, напиться в профилактических целях, и на боковую. Леший конечно скряга, но со мной дела ведет честно, вот и чудненько.

Я стоял на крыльце полуразрушенного дома и курил, в такие хмурые вечера меня всегда посещали философские рассуждения. В этот раз тоже не было исключением. Всякий раз, смотря на дождь, и думая о жизни у меня заедает одна и та же старая, с позволения сказать, пластинка. Какая бы была жизнь, если бы не случилась эта Катастрофа? Холодная, мать ее, война. Кто бы мог подумать, что ее окончание так обернется? Развалится Союз, и своим последним вздохом навсегда изменит мир? Хотя, кто знает теперь, был ли это Союз, или кто – либо еще. Почему ученые вообще разработали такое оружие, которое отравляет целые области, превращая флору и фауну в территорию сплошь и рядом источающую радиацию? Что им сделали те же самые звери и цветочки? Теперь, благодаря мистическому оружию «Обелиск»,

мир изменился навсегда. Сплошь и рядом мутанты и аномалии, радиация и смерть. И мы, как мы себя зовем путники, ползаем по этой территории, бегая за наживой, что бы вернуться за Периметр, в чистый мир.

Странно все это. Сами сделали свой выбор, и все же Зона это не место для людей. Любая из Зон. Кто бы мог подумать, что одна из таких Зон будет всего в ста километрах от Москвы? Да никто не мог. А я тем более не мог представить, что когда ни – будь, окажусь в одной из таких Зон. Однако, колесо Сансары дало таки странный оборот, и вот, я здесь. Спросите, как вообще образовались Зоны, и что это такое? Тут все просто.

С официальной точки зрения, это была строго засекреченная операция, в которой принимали участие все страны мира. Проект «Обелиск», как его тогда называли, должен был быть новым этапом развития потребления ресурсов. Покончить с голодом, прекратить истощение земельных ресурсов, решить, так сказать, все проблемы человечества. Благородная, как говорится цель. Благие намерения.

Воистину правду говорят о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Но кто мог представить, что этот «Обелиск» действительно откроет врата в него?

Опять, по официальным сводкам, из тех, что я действительно знаю, сам проект представляет собой экспериментальную установку. Иначе говоря, здоровенную дурынду, с проводами. Тем не менее, даже у этой супер навороченной

штуки не было достаточно мощи, что бы охватить весь мир. И хвала Создателю, иначе мир бы давно исчез с лица земли.

Так или иначе, было решено сделать несколько таких штук-ковин, и раздать странам с развитой наукой, экономикой, и прочее. И все бы было ничего, если бы «Обелиск» работал как нужно, однако, что – то, как у ученых водиться, пошло не так.

Точно известно, что тринадцать рабочих образцов «Обелиска» были в пути, когда произошла Вспышка. Так мы, путники или бродяги, называем это явление. Все установки разом детонировали, в результате совершив колоссальный Выброс радиации, и меняющие материю – пространство частицы, название которых я не помню, да и смысла о них вспоминать нет. В итоге, места, где детонировали установки, стали называть Зоной, или Закрытыми Секторами.

На самом деле я не знаю, к радости, или к худу, но на земле образовалось лишь шесть, так называемых Зон. Две в России, одна в Америке, одна в Китае, и еще две в Африке. Остальные же были либо в воздухе, либо на воде, и, взорвав средство транспортировки, канули в лету. По официальным сводкам.

Так же стоит сказать, что по официальным сводкам, здесь, где я стою и курю, не может быть жизни, все отравлено, и вообще об этом лучше не говорить. А все эти десятиметровые заборы, несколько линий обороны, пулеметные доты, и колючка с господами Военными, это все для вашей безопас-

ности, уважаемые граждане, живущие вне Периметра. И совсем не потому, что в результате очередной ошибки человечества, здесь бегают мутанты, которые не прочь полакомится человечинной. Не потому, что благодаря коррупции и деньгам, сюда может попасть любой желающий. Исключительно для безопасности, ага, конечно.

Да если бы вы хоть немного знали о том, что здесь происходит. Если опустить некоторые детали про аномалии и мутантов, то тут есть и своя экономическая система, и социальная среда. Торговцы оружием и работорговцы, скорее всего, ликовали, когда поняли, что появились целые территории, где они могут промышлять своим делом особо не шумев. Ко всему прочему Зона не только убивала боязливых, но и поощряла авантюристов, которые находили с трудом или без, так называемые артефакты. Невероятные порождения Зоны, которые обладают уникальными свойствами. От излечения всех болезней, вплоть до невесомости. На некоторые даже законы физики не действуют, не говоря уж про аномальные скопления, у которых практически ода функция – убить.

Так или иначе, здесь постепенно, или сразу, помимо бандитов и прочей шантрапы стали образовываться целые кланы и группировки. В места, свободных от аномалий, стали появляться базы. Зона обрастала байками и легендами. А в совокупности с русским колоритом на постсоветском пространстве, у некоторых Зона вызывала даже определенный шарм.

На мою же голову выпал Пятый Сектор. Или как его называют СМИ: Сектор повышенной опасности. Собственно говоря, они правы. Хотя наша Зона и считается самой маленькой из всех, первый Выброс здесь был мощнее в несколько раз. Теперь Зона охватывает всю территорию бывшего Александровского района Владимирской области. Небольшой закуток, ныне оставленный и забытый. Вокруг нашего Сектора даже не только возвели самые мощные и толстые стены, но и сделали совершенно новую железную дорогу и путевые магистрали, что бы ни нарушать «привычную» жизнь. Вот такое бельмо целого мира недалеко от Москвы. Две тысячи квадратных километров, и это еще не самая крупная Зона, так что можете представить масштабы трагедии. Когда в девяносто первом бабахнуло, всех выживших и не зараженных людей экстренно эвакуировали, но спустя десятилетия жизнь кипит здесь, по сей день. Катастрофа такого уровня однозначно изменила мир.

Именно об этом я размышлял, намечивая маршрут через деревню, хоть идти через нее и не хотелось, но мне упало сообщение на КПК, что путь через Курганиху закрыт наглухо, с одной то стороны лучше, не пересекусь с этими анархистами, что б их. Но с другой... Ладно, утро вечера мудренее.

Открыв подвал, в котором пересидел выброс, я запрыгнул туда, и, воткнув свой верный «калаш» в бывший засов, улегся спать.

Снилось мне кажется, что я джунглях... Но сон досмот-

реть у меня так и не получилось, так как сверху я различил непонятливый шорох, а затем и голоса.

– Да грунтом все засыпало, точно тебе говорю! – Тихим шёпотом, проговорил голос.

– Заткнись, лаз открывается наружу, а не внутрь, видимо зацепилось, за что – то скобой... – ответили первому.

Ага, зацепилось, как же. Ну вот, сейчас он стопроцентно, попытается прострелить затвор, не получится, попробуют взорвать. Нет, лучше отозваться... шуметь нам не надо.

Я надел свою кожаную куртку поверх комбинезона, дабы скрыть принадлежность к клану, и негромко сказал:

– Не шуми только. —

Сверху кто – то подпрыгнул, видимо от испуга, повисла неловкая пауза, ладно, хоть не стреляют. Уже радует.

– Кто там? – Послышался тонкий осипший голос.

– Получше вопроса то не придумал? – съязвил я, просыпаться не хотелось абсолютно, – Это я у вас спросить должен. —

– Сперва ты отзовись – Вставил другой голос.

– Спокойной ночи, – мягко, подтягивая пистолет, проговорил я в потолок, – я тут вроде как, в подвале – то. Следовательно, мне решать, впускать вас, или нет, так что или назовитесь, или топайте куда шли. – Я присел, и начал целиться на голос, лотерея конечно, но вдруг...

– Одиночки, двое, без грязных намерений, можем стволы положить и отойти, если хочешь по чесноку. – Отозвался

второй голос, видимо ведущий.

– А давай, – сказал я, и беззвучно начал вытаскивать «калаш», и, дождавшись, пока эти ребята положили стволы, и отошли, я резко открыл крышку погреба, и, повертев головой по сторонам, все-таки взглянул на горе – путников.

Грязные, перепачканные не пойми, чем, стоят и смотрят на меня честными глазами, и поднятыми руками. С чего бы такая покорность? Ладно, подыграем.

– Честно, ладно, поверю. Запрыгивайте, по одному, ну и сами понимаете, без глупостей. —

И они запрыгнули, оба оказались одинакового роста, стандартные такие мужики, без особых примет. Но почему ж такие покорные, прямо до боли в пятой точке. Я скинул им оружие, и вновь закрыл вход, но на этот раз, старой трухлявой балкой. Однако пришельцы не перестали меня удивлять.

– Спасибо, – сказал один из них, и протянул мне руку. Я охотно пожал ему руку, которая утонула в моей медвежьей лапе, пульс к нему есть, значит не монстр. – У нас есть одна лишняя волчья ягода, может возьмёшь в арендную плату? – Подал голос другой.

Оп – па, ой не нравится мне это. Джентльмены блин.

– Возьму, – нет, ну не стану ж я лишний артефакт не принимать – откуда и куда идем? – Поинтересовался я, отхлебывая из фляжки.

– Да куда ж тут идти? В Зону конечно, ночку тут посидим, а с рассветом на Поляну двинем. Так, глубоко даже не зай-

дем, не нужно риска. – Начал говорить первый, у него оказалась небольшая борода, а второй был гладко выбрит.

– Как вас звать то? – Не знаю, зачем я спросил, просто стало скучно.

– Я Гриб, – сказал мужик с бородкой, – а это Валокордин, или просто Валик.

Ага, Валокордин значит. Если б не моя подготовка, упал бы со смеху, но уж какая кликуха, ничего не попишешь. Я тут по – другому посмотрел на них, добродушные ребята, хотя Валик, кажется мне, немного глуповат. Но как говорят, когда кажется – креститься надо. И недолго им осталось, это точно. Совсем зеленые, даже камуфляж и костюм нигде не поцарапаны, ладно, хоть не идиоты, уже радуется.

– А тебя как? – Подал голос Валокордин.

Ну, тут, тем более от них, скрывать нечего.

– Жнец. – Коротко проронил я, глядя за их следующей реакцией. Но реакции не последовало, хорошо хлопчики, раз молодые, вас и бояться нечего.

– Как заслужил? – Опять попытался разговорить меня Валик, я же просто улыбнулся, и спросил ответное, уж больно было интересно, но он обиженно отвернулся, и начал что – то высматривать в своем КПК.

Ну и ладно, мне лишней информации не надо. А заслужил я ее просто, в первые дни пребывания в Зоне, мне посчастливилось убить мутанта, обычной косой. Но получилось это случайно, когда двое, таких как я, тогда еще крючков, полег-

ли, всадив в тварь по две обоймы, он попер на нашего проводника, забыл, как звали то его... Но не суть, проводник, тоже всадил, почти в умирающего мутанта обойму, но его автомат заклинило, а тварь видимо перед смертью, решила унести с собой последнего человека, который причинил ему боль. Но тут на сцене появляюсь я.

Фактически, я, в силу своего недетского размера, рост у меня два десять, да и в плечах я пропорционален, здоровяк короче, пер на себе все добро, что мы раздобыли на вылазке к Роднику, все, кроме оружия. Так вот, проанализировав, что происходит, я недолго думая, сбросил с себя все шмотье, подбежал к какому-то одинокому дому на пригорке, схватил косу, и наперегонки с мутантом помчался к старшему. Успел я, архиточно, поскольку командир распавшейся группы, закрыл глаза и начал молиться. Ну, я, взяв хороший разбег, аналогичный хороший размах, снес половину головы мутанту, аккуратно по челюсти, увешанной рядом щупалец.

Однако, туша мутанта, по инерции – то сбила проводника, а я, как олимпийский прыгун, улетел в ближайшие кусты крапивы, а моя коса улетела в небеса.

Очухавшись через несколько секунд, я понял сразу несколько вещей. Первое – у меня вывихнута кисть правой руки. Второе – я ору. Третье – материться выбравшийся из – под гуманоидного мутанта проводник. Четвертое – я кого – то убил, причем не человека.

Ну а потом, проводник выправил мне кисть, сказал, де-

сказать, что я его брат до гроба, и он со мной хоть до Места Вспышки. Я опять навьючил на себя вещи, теперь в два раза больше. Там дошли до бара, и ушли в алкогольное забытие, как оказалось очень кстати, я быстро поднялся, и появился авторитет.

Если бы не одно происшествие. Но сейчас не хочу об этом.

Потом несколько лет был одиночкой, набирался опыта так сказать, а в последующем поступило предложение вступить в группировку, ну я и не стал отнекиваться. Потом годы в рядах группировки. Я по праву заслужил место ветерана, и гордо пью свое пойло. А с чего все началось, я уже и забыл почти, тем более нет уже ни проводника того, ни старого бара.

Я перевел взгляд, на уже спящих ребят. Ого, сколько же я сижу тут, размышляю, не заметил даже как уснули. Я осторожно положил артефакт на рюкзак Гриба, им она нужнее. Посмотрев в щелку пола, я понял, что уже рассвет, а значит, пора в путь.

Почти без шума, я покинул временное убежище, предварительно толкнул Валика, дождался, пока закроется засов у меня под ногами, и двинулся в путь, к Периметру.

Глава 2

Вроде дом

Я уже подошел к железнодорожной насыпи, за которой кончалась Зона. Метров за двести предварительно взял автомат в левую руку, и вытянув другую. Я спокойным шагом обошел аномалию, медленно взбивающую придорожную пыль, и приблизился к насыпи. Оттуда, с другой стороны показался; вначале берет, потом лицо, а потом уже и форма, военный вышел демонстративно – без оружия, знал, кто идет.

– Мать моя конная армия! – Он приветливо раскинул руки, – Смотрите, кто к нам пожаловал!

– Кончай цирк Рома, и пропускай, давай, вот пузырь. – Я всучил в руку пузатого военного водку, и неторопливо пошел вперед, через блокпост.

– Ладно, будет тебе, и пошутить нельзя. – Рома повертел бутылкой, – где ж ты её там берешь то? – Он кивнул головой назад, – прячешь, что ли перед выходом?

– Беляков, заткнись.

– Мы не в духе сегодня? Ладно, черт с тобой, тебя, кстати говоря, генерал искал, – с ехидной улыбкой добавил, – относительно недавно.

Я лишь повернул голову в профиль, продемонстрировав

сломаный нос, и одарил его гневным взглядом. Товарищ лейтенант опешил, и вернулся поскорей в свой вагончик. Генерал меня искал, конечно, искал, пришел на три дня позже. Ладно, Слава простит, никуда не денется собака. Мне еще километр топать.

В этой части периметра не было таких уж заслонов и уровней безопасности. Так, один небольшой КПП при входе на территорию базы, и то для формальности. Охранники при входе, поприветствовали меня, и я без проблем прошел внутрь.

Новая территория клана – просто шедевр. А новая, потому что в Зоне недавно произошёл очередной мощный выброс, и она немного увеличилась в размерах, старую базу снесло, как ураганом, и вояки, которые оставили эту местность, подарив нам, целую воинскую часть, быстро эвакуировались.

– Жнец! Брателло! – Донеслось до меня со стороны Бара. Я обернулся, и увидел летящий в мою сторону, пьяный и счастливый ком счастья. Это был Алекс. Он радостно врезался в меня и крепко обнял. – Брат, я уж тебя поминать стал, а ты вот он, целехонький! – Он принялся меня трясти и что – то рассказывал, размахивая передо мной сигаретой.

– Ал, сейчас не до этого, Леший у себя? – Успокоил я коллегу.

– Где ж ему быть то, родному, у себя, давай, я тебя жду в баре. – Он хлопнул меня по плечу и быстро начал удалять-

ся, но обернулся, – кстати, тебя шеф искал, говорит трубец полный, нас даже поднимать на вылазку хотел.

– В курсе, иди, давай, скоро подойду. – Я помахал ему, и двинулся по улочке направо, мимо нашего чепка, и оказался около небольшого помещения трёхэтажного дома, конкретно, у спуска в подвал.

Я открыл небольшую деревянную дверцу, включил лампочку, и потихоньку стал спускаться вниз. Пройдя по небольшому коридору, я уперся в большую железную дверь, как на подложке. Дверь открылась сама, и передо мной предстал Леший.

Ну, вот Миша Круг, собственной персоной, только постаревший и с бородой. Он поднял на меня свои маленькие алчные глазки, и очень высоким голосом, абсолютно не подходящим ему по габаритам, обратился ко мне:

– Жнец! Пришел – таки, Слава наверху уже рвет и мечет, шел бы ты к нему сначала. – Он вышел из своего огромного стола, подошел ко мне, пожал руку, даже приобнял, и жестом позвал меня за собой. Мы прошли небольшой коридор, абсолютно голый, и уперлись в простую деревянную дверь, которая никогда не была заперта, пройдя ее, мы вошли в бывший обезьянник, обустроенный под склад. Обычно Леший пускал сюда только самых доверенных, ну и меня.

– Обождет, – отмахнулся я, усаживаясь в кресло, которое стояло у стены, пока леший возился с ключами, – Сперва эта штука, потом уж и к генералу зайду.

– Ладно, подожди минуту, – сказал он, и растворился во мраке комнаты, которая освещалась двумя обычными лампочками.

Я сидел и думал про себя, конечно, Слава то рвет, только по какому поводу? Как будто я один во всем клане приношу ему сведения? Ладно, думать сейчас – это не хорошо, а хорошо – убрать, наконец, от себя эту штуковину. Я достал из подсумка артефакт, покрутил в руках. Вот вроде бы – обычное яйцо, только если бы не его красный матовый цвет. Пацаны, конечно, говорили, типа есть такой артефакт – Дьяволово Яйцо, но по рассказам, свойства у него специфические, а я такого ничего не заметил, только рюкзак стал легче, раза в два, хоть артефакт и был в контейнере. Да и не летало оно, а по рассказам, оно невесомое. А вот я держу его, килограмма на два с небольшим наверно. Хотя я в весах то не очень...

Тут вошел Леший, и сразу увидел артефакт. Готов поклясться, если бы это был не я, он бы уже хлопнул бедного бродягу, сидящего с этим яйцом, но Леший тоже старой закладки, при мне виду не подал, но энергетика от него шла, именно такая, цитируя Алекса: «Лютая».

– Ты где его взял то? – Спросил хозяин подвала со скучающим видом, но я – то разглядел алчный язык пламени.

– Гора такая есть, Кудыкина, там по вечерам индюшек доят, а по утрам рак свистит, но не часто, раз в неделю, где то, – Прокомментировал я, дав понять, что ему не нужно знать,

где я его взял.

– Не хочешь говорить, дело твое. На нет, как говорится, и денег нет. – Он мерзко хихикнул.

– Короче вот, бери, я вижу, он тебя зацепил, и как я по твоим глазенкам смотрю, артефакт то – дороговатый. Давай все по чесноку – ты мне реальную стоимость товара, я – бесперебойную поставку, ну не конкретно этого артефакта, не облизывайся, ну, в общем, все как всегда.

– Согласен, как обычно? – Расстроенным видом спросил Леший.

– Нет, дай мне двадцать штук налом, остальное, как обычно. – Сказал я это не случайно по двум причинам: первая – мне нужны деньги в общий капитал клана, и на еду с патронами соответственно, а вторая, проверить стоимость артефакта, если Леший не догадается, я пойму, ошибся я, или нет.

– Хорошо. – Только и ответил Леший.

Видимо артефакт реально дорогой. Но не суть, карточку, куда ушли оставшиеся деньги от двадцати тысяч, и по ходу даже, большая их часть, я все равно не трогаю, все равно, осточертела мне Зона, домой хочу, вернусь миллионером, в полном расцвете сил, поживу хоть, а не просуществую.

– А хотя, дай пятнадцать. Пять переведи в общаг. Сейчас лучше сразу к Славе пойду, наверно он уже в курсе, что я здесь.

Леший охотно кивнул, выдал мне деньги, и забрал арте-

факт, я же не особо спеша вышел из подвала, и пошел прямо в штаб, где и расположился генерал.

Глава 3

Смирно!

Я стоял перед дубовой, как голова генерала, дверью, и не решался войти. С одной стороны Зона и все дела, но с другой, генерал не оценит.

Вдруг за дверью, раздался голос, абсолютно не принадлежащий Славе.

– Товарищ полковник, заходите уже, мы вас заждались.

Я резко открыл дверь и вошел в кабинет. Передо мной сразу предстал длинный стол, в конце которого сидел генерал, отвернувшись к окну, на своем громадном ортопедическом кресле. Так же по левую руку от него, чуть ближе ко мне, сидел неприметный щуплый мужик в деловом черном костюме.

– Здравия желаю! – Демонстративно выкрикнул я.

Генерал никак не отреагировал, лишь дальше смотрел в окно.

– И вам хорошего здоровья, – ответил за них обоих человек, – Позвольте представиться, я Роман, и я человек, который сделает вам небольшое предложение.

Я сел за стул и кивнул, дескать, говори Ромка, что за фигня тут твориться.

– Гражданин Орлов, – Рома повернул свою маленькую головку к генералу, – Не желаете присоединиться?

Слава посмотрел на меня таким взглядом, что я даже онемел, потом повернулся на своем кресле, и тоже кивнул, дескать, говори.

– Товарищ полковник, вам поручено, от лица вашего руководства, выследить и уничтожить одного Путника, который навредил вашей группировке, и производит самостоятельно вынос таких вещей, как артефакты за пределы Зоны. Вам понятна задача? – Заключил Рома, глядя прямо в глаза.

Только я хотел продемонстрировать отменный хук с правой этому умнику, как тут генерал тихонько кивнул глядя на меня.

– Так точно, – угрюмо проронил я.

– Вот и славно, товарищ генерал, просветит вас в ситуацию, я вынужден, отклонится, до скорой встречи. – Сказал он, и быстро вышел вон, даже не обернувшись.

Как только Рома вышел из кабинета, повисла пауза, и воцарилось молчание, которое в свою очередь, я все-таки нарушил.

– Что за фигня, Слава?

Генерал ответил не сразу. Он только закурил вновь, покрутил сигарету в пальцах, посмотрел на меня из под своих мохнатых бровей, и наконец, заговорил.

– Схватили меня за яйца, вот что.

– Ну, меня подробности твоей интимной жизни не инте-

ресуют, – сказал я, закидывая ноги на стол, и тоже закурив – Я то тут при чем?

– Понимаешь какая ситуация брат, – начал он, пододвигая ко мне пепельницу – после увеличения Зоны, и некоторых потерь с нашей стороны, я начал искать выходы на людей, ну там, оружие, люди. – Он замолчал, но вздохнув, продолжил, – Только делал я это неаккуратно, и меня нашли первым. Я толком то и не знаю, кто эти фраеры, но знаю то, что с самого верха. Я сперва конечно и их попытался взять нахрапом, только вот кишка у меня тонка, оказалась, это то я тут командир и большая шишка, а на Большой Земле – кто я там теперь? Орлов Вячеслав Григорьевич... Полковник в отставке. Да суть то даже и не в этом. В общем, поймали они меня за руку, когда я нарушил идеологию нашего клана, конкретно – продавал арты кому попало, главное – подороже и побыстрее. Но вот эти Правительственные дядечки, вместо того, что бы засадить меня поглубже да подальше, предложили сделку. – Орлов огляделся, и подсел поближе. – Дескать, мы дадим тебе, все что пожелаешь, бомбу атомную проси – дадим, и забудем этот неприятный инцидент, за небольшую формальность, – он сглотнул, и глаза загорелись неприятным алчным огоньком. – Только, говорят, хлопни одного мальчишку. И ты снова на горе, и при деньгах, и при стволах, все лучшее, никто даже и не узнает, дескать, Зона, понимаешь, братка?

Я ответил не сразу.

Твою ж мать, генерал, продал наш клан, да подороже. Хотя тебя тоже можно понять, хотел – то, как лучше. Только вот вопрос от этого, свою суть не теряет, хотелось бы спросить...

– А я – то тут, с какого перепугу? – Я яростно втоптал окурок в пепельницу, – Ты своими делами сам рули старшой, меня не впутывай, а то и я, и пацаны на крючке окажутся.

– Во первых, и во всех остальных случаях, долг. Во вторых, кто в нашем клане, все любит делать по – тихому? А? Так что вот тебе мой приказ, если ты не понимаешь, сиди и запоминай, кого тебе надо грохнуть, папки сейчас принесу.

Ну, долг то оно долгом, и если его так приперло, что даже о нем заикнулся, значит, дело чистый керосин. Но я не особо растерялся. И со всей своей любовью, зарядил в рыло генерала хороший удар, не со всей силы, конечно, убью ведь, а так для профилактики.

Орлов отключился сразу же, только вот я тоже не промедлил, последнее что я помнил, когда повернулся к двери, это летящий мне в лоб приклад автомата.

Первое из ощущений – боль. Пульсирующая боль в голове, и я знал, откуда она. Слова генерала то, я не особо помнил, а вот «калаш» в память врезался капитально. Я лежал на полу, и хоть желание встать было не велико, встать было нужно, поскольку я засорял себе легкие который час, втягивая бетонную пыль с кафельного пола родного обезьянника. Не без труда, я приподнялся и оперся спиной о стенку напротив решетки. Напротив клетки, с другой стороны висел но-

венький плакат с какой – то девицей в костюме Путника, гла-сивший: – «ИЕРИХОН – это выбор настоящих мужчин!» Уж не знаю, кто из наших составлял этот плакат, но это был пол-ный абсурд, наверно Пух, или Киндер, главные художники без фантазии. Уж не знаю, почему я задумался на счет пла-ката, наверно мозг в себя приходит, определенно. Я осмот-релся, блин, я то думал, что я один в клетке. На койке, под-жав одно колено, и свесив другую ногу, сидел бродяга, вроде из «Бакланов», дружественного клана, но в темноте и с мо-ей головой, никак разобрать не могу, да и неважно это, хоть не говорит со мной, уважаю.

– Эй, вертухай! – Прохрипел я в пространство, – отец оч-нулся, глухой что ли? – Странно, обычно сразу прибегает.

– Бегу старшой! – Заверили меня из полумрака коридо-ра, – Мужик, такое наверху твориться, мама не горюй! – он открыл клетку и помог мне встать, – Генерал всех офицеров созвал, рвет и мечет, ты чего отчудил то? Мы с ребятами только и видели, как тебя волокли сюда.

– В карты выиграл... – Неохотно отозвался я, – куда мы сейчас?

– Тебя велено отпустить на все четыре стороны, на терри-тории базы, до приказа генерала. – Тут же отозвался надзи-ратель.

– Ладно, Вить, иди, сам дойду, спасибо, только клетку за-крыть не забудь, как в прошлый раз.

– Бывай мужик.

Куда же пойти бродяге в выходной от Зоны день?

Естественно в Бар, хочу горло промочить неизвестно какие сутки, я на ходу посмотрел на ПДА, ага, вторые пошли, с тех пор, как я вернулся. Нехило меня выключило, интересно кто?

Пройдя по маленькой аллее, я уперся в наш Бар, переделанный из солдатской столовой. На маленьком крылечке, столпилась толпа молодых, как мы их называем мясом, которых не пускали внутрь, правильно, молодняк тусуется только до заката, наши же, подходят после, и то только к стриптиз – программе.

При виде меня, малолетки рассыпались как голуби перед катком: неохотно, но быстро. Местный охранник Валет, пропустил меня приблизительно так же, как и малолетки, даже не посмотрев мне в глаза, насупился и отошел, правильно конечно, когда ты метр девяносто, непривычно как то видеть человека, больше чем ты, и сильнее, как показал его горький опыт.

Небольшая стандартная проходная так и осталась нетронутой, за исключением того что вся была украшена постерами. Агитация в действии так сказать.

После проходной, было две двери, одна вела в общий зал, другая в бильярдную с туалетами. В принципе, как и в старом баре, только атмосферой это помещение, еще долго не пропитается. Естественно я пошел вправо, в общий зал, где сидели все наши, кроме Ведьмака, Фары, и Костромы.

Они с утра ушли за Выжженное Плато, ближе к Запретному Городу, и пока о них ничего не слышно. Около барной стойки не было обычного шевеления, только парочка ветеранов, которые спокойно пили свое пойло, я пожал им клешни, и опустился на высокий стул, недалеко от них. Заказав у простого бармена, по кличке Цуцик, триста пятьдесят грамм текилы, я обернулся.

В противоположной стороне зала, мне махал Алекс, приглашая за столик, где тоже сидела наша компания. Помимо Алекса там сидели: Демьян с Вороном, Кисель, Скаут, Морж, и Никита – Альбинос. Все уже хорошие, поэтому я лишь отмахнулся, и повернулся обратно, где меня ждал засоленный стаканчик и лимон. Оприходовав это дело, я попросил бутылку водки, и уставился в телевизор, где крутили какие-то бразильские сериалы.

Однако отдыхал я не то что бы долго, но вечер был испорчен окончательно.

Все началось с того момента, когда в бар вошли вольные бродяги. Бар то у нас конечно Иерихонский, но мы впускаем всех страждущих, кроме естественно «Кубы», враждующего с нами клана и прочей шушеры. Они спокойно пили, я спокойно пил. Только вот я проморгал, как с одним бродягой в Бар вошла очень привлекательная девица. Я – то не животное, и не стал претендовать на чужое, тем более после стриптизерш, и официанток, которых я иногда пощипывал по приятным местам, и с которыми иногда случалось весьма

жаркое randevу в туалете, я хотел просто спать, и практически бы ушел, если бы не увидел необычную картину.

Путник отгонял от девицы, тех самых вольных бродяг, которые вошли три часа назад, Делал практически геройский подвиг, один против пятерых. Я посмотрел на Алекса, спящего мордой в стол, и на наших, которые были уже все как один. Я деликатно пропихнулся к этой толпе, ну деликатно по меркам Путника. И встав между путником и вольными бродягами, которые образовали полукруг около столика, где сидела девушка, закономерно и миролюбиво спросил:

– В чем дело молодёжь? —

– Тебе какое дело бычара? Проблем что ли хочешь? – Выдал один из вольных, глядя мне в глаза, высоко задрав голову.

Не то, что бы я обиделся, или что – то еще, я просто пнул его ногой с разворота в живот, и он успешно пролетев метра два, бухнулся прямо на стол к ветеранам.

Бродяги не ожидали такой скорости от меня, но все равно спустя несколько секунд ринулись в атаку, этих секунд мне хватило, что бы выхватить из под задницы Жорика стул, и со всего размаху ударить первого бродягу, прущего на меня. Стул разлетелся в щепки, щедро осыпав ветеранов, оставшаяся в руку ножка, тоже пошла в дело, точнее во второго бродягу. Завершая удар, я крутанулся на одной ноге, беря этим второй круг вокруг своей оси, и вlepил такую пощёчину вольному путнику, что он подпрыгнул, и плавно отле-

тел в сторону. Третий оказался поздоровее. Пока я обезвреживал двух бродяг, без особого ущерба, как раз таки третий взял разгон, обхватив меня за корпус, и ударив плечом в живот. Терпимо, как сказал бы мировой пролетариат, по его расчетам, я должен был упасть, только вот он каши мало ел. Рукопашным бойцом то я был великолепным, только сейчас это не требовалось. Я схватил третьего за голову, а второй рукой ухватился за его армейский ремень, приложил усилие и третий человек, оказался в улье, под названием – стол ветеранов, уже за моей спиной началась бойня, Морж и Скаут, которых я считал коматозниками, очень резво пронеслись мимо меня и врезались куда то в толпу дерущихся людей, под воинствующий клич. Однако, оставались еще двое дерзких малолеток. А нет, всего один, поскольку другой, крепко сцепился с бродягой, который защищал девушку.

Ну, с последним, я особо не церемонился, просто от души засветил в бубен, и наблюдал за техничным спаррингом этих двоих, изредка отмахиваясь от пьяных бродяг. Герой одиночка, оказался посильнее, но я искал другую фигуру, девушку. Она оказалась не глупой, что бы лесть в замес, и не полной идиоткой, что бы драться. Девушка ужом проскользила к барной стойке, перепрыгнула ее, и видимо, дожидалась конца баталии.

А баталия, как раз стала утихать. Наши парни отвалтузили и вольных бродяг, и Бакланов, и самих себя. Досталось всем, да и мне в том числе. Добрый малый Дизель, с боль-

шого бодуна, и приблизительно с такого же разбега, врезался в меня, протаранив несколько столиков, а поскольку эта махина была подстать мне, сбросить ее с себя, было сложно-вато. И пока я методично пропускал удары в челюсть, я сделал единственное, что умел всегда, бить вслепую, на везение. Попал, да хорошо попал, только опять себе в убыток.

От удара, славный малый Дизель, отключился, потому что прилетело то ему в лоб. Только вот славная туша, моего славного приятеля, плавно ссыпалась на меня. И теперь я делал выход силой, многокиллограммовым грузом.

Ну, а после того как в драку влезли местные вышибалы Валет и Кулема, все быстро кончилось. И я, наконец, то вылез из под туши моего коллеги. А вот путник с девчиной провалились как сквозь землю.

Уж не знаю, почему меня забеспокоила судьба этих двух голубков, но ощущение что я все сделал правильно, осталось неизменным.

Я осмотрелся по сторонам. Ветераны, отряхиваясь, стали садиться на свои места, растирая запястья. Вольных выперли взащей, а меня позвали к барной стойке.

Заплатив за ущерб, и доведя до дома, в поселок который располагался неподалеку от части, в усмерть пьяного Алекса, я побрел в свой домик, обдумывая, что же предпримет генерал. Но увидев свою любимую, мягкую, аккуратно застеленную кровать, я провалился в глубокий сон, позабыв про людскую суету.

Как всегда, выспаться мне не дали.

Я приподнял веко левого глаза, которое показалось мне налитым свинцом. Меня за плечо, яростно тряс Демьян, простецкий парень, вечно ходит в своей кожаной куртке, что твой панк в деревне, и как всегда неизменно, в камуфлированном кепи.

– Брат, вставай, генерал рвет и мечет! – Прошептал он, мастерски увернувшись от моего хука, – быстрее давай!

– У тебя проблемы покойник, – вяло отозвался я, – Чего случилось то? Туалетная бумага, в штабном клозете кончилась? Пускай идет твой генерал прямо в ж... —

– Да, да, и еще раз да, – быстро перебил меня Демьян, – Слушай. Сходи и сам спроси, меня вообще из караула вытащили, что бы тебя привести, Жнец, прошу, вставай, хабаром отплачу!

А вот это был весомый аргумент.

Если вам что – то предлагает Демьян, тем более практически, за ничего, значит дело серьезное.

– Ладно, уговорил собака, давай дуй в караулку, я через десять минут подойду. – Не успел я это договорить, Демьяна уже как ветром сдуло. Вот не был бы такой сволочью. Который вечно косит под дурака, был бы великолепный боец.

Однако замечательно день начинается.

Я встал, потянулся, поскольку я отрубился в одежде, одеваться не пришлось. Быстренько заперев дверь, и калитку в ограде, я направился в штаб.

Оп – па, вот это встреча.

Я замедлил шаг, а потом вообще перешел на ходьбу по – спецназовски. Через ближайшие кусты можжевельника, я отчётливо увидел ту самую парочку, которую видел в баре, ну ни дать ни взять голубки. Идут, болтают о чем – то, прям курорт какой-то. Хотя присушившись, я все-таки услышал, о чем разговаривают эти двое.

– Запомни, в Зоне, идешь строго за мной. Шаг влево, вправо и тебе повезет, если тебя грохнет аномалия, а не я. Гляди во все стороны, но башкой особо не крути, патроны попусту не трать, почувствуешь, что – ни будь необычное, сразу сообщи мне, увидишь, что ни будь необычное, сразу сообщи мне. Поняла? – гулко поинтересовался высокий худощавый парень, в черной бродяжнической куртке, у своей компаньонки.

– Поняла. – Коротко отозвалась девушка, лицо, которой скрывал капюшон. Я попытался рассмотреть фигуру, но безразмерный балахон, все скрывал, хотя при ходьбе, все-таки балахон показывал приятные округлые формы.

Мать моя конная армия! Паренек готовит бабу в Зону!

Много я видел, много слышал. Девушки – путники, тоже не редкость, но меня все равно каждый раз удивляет, как эти прекрасные и хрупкие создания, могут топтать отравленную, и испорченную почву внутри Периметра? Где воздух и окружающее пространство отравлено ядом, везде снуют чудовищные мутанты, кругом аномалии, и радиация?

Хоть пристрелите: не знаю.

Но у меня сейчас проблемы понаасущнее, так что если хотите гробить свою жизнь, не мешайте гробить ее другим, чему они прекрасно и придерживаются. Я тихо выпрыгнул из кустов, и быстрым шагом, обогнув две казармы, на которых сидели вороны, и отряхивали мокрые от дождя крылья, вышел прямо на небольшую площадку, за которой располагался штаб.

И тут же встретился взглядом с генералом. Ну, знаете, как бывает, просто резко понимаешь это, странное чувство.

Он стоял на небольшой стандартной трибуне, выкрашенной в ярко – зеленый цвет, смотрел на меня только правым глазом, левый же, затерялся где – то в синяке, который не скрывал от общего обозрения даже дождевой капюшон. По правую руку от него, на плацу, стоял полковник Вальтер, не пытаясь даже посмотреть в мою сторону. А перед ними – весь клан. Построение, и понятно, по чью душу. Тут было много наших, даже те, кто только пришел из – за Периметра. Командиры взводов, смотрели прямо, тоже делали вид, будто не видят меня, в том числе и Скаут, который был не только матерым путником, но и командиром взвода, и мои пацаны тоже прятали глаза, несмотря на то, что были со страшного бодуна. Только Алекс, бросив короткий взгляд в мою сторону, задержал на то же мгновенье, и сокрушенно потряс головой.

Я по всем правилам, попросился в строй. И тут понеслось.

Вкратце: за мой саботаж и не соблюдение субординации, меня лишают всех почестей и званий, но за боевые заслуги перед обществом, к расстрелу не приговариваюсь.

Ай, генерал, ай молодец, стою я тут и думаю. Пока я стоял в трех метрах от трибуны, и слушал, как Вальтер говорит заранее выученный текст, смотрел на генерала. Орлов, в отличие от всех окружающих был страшно доволен тем, как он меня унижает, жалко конечно, ну в смысле его расстраивать, ведь мне до лампочки, а вот он – то свою крысиную сущность открыл. Но зато, все долги между нами теперь строго аннулированы.

По завершению информации, Вальтер подошёл вплотную, пожал руку, и потрепал за плечо. Если бы не забрало экзоскелета, я бы подумал, что он плачет. Ну а я, слушая нотации и чтения морали, высказывания сожалений, со стороны моих друзей, пошел домой, где тут же отрубился, и забылся, наконец, долгожданным, и что самое главное долгим сном.

Выспавшись, и наспех перекусив безвкусной яичницей, я вновь побрел в штаб за новыми указаниями.

По пути, как ни странно, ничего плохого не случилось. Войдя в штаб, и дойдя до кабинета Вальтера, я шумно перевел дух, и открыл дверь. Войдя в кабинет, полковник выразил сожаление, и коротко сообщил мне цель и задачу плановой вылазки за Периметр. Стандартная групповая вылазка, на предмет поиска артефактов. В группе, помимо меня, участвовало еще шестеро путников. Командир, который был

выделен из штаба клана, по кличке Ким, высокий худощавый парень, ничем не примечательный, я был с ним знаком, когда он еще крючком по Курганихе ползал, однако он возымел хорошую репутацию, и я не стал задавать лишних вопросов. Еще двое, оказались добровольцами, и когда Вальтер сообщил мне кто это, я сразу улыбнулся, и мне стало легче на душе от того, что со мной идут мои приятели, Демьян и Алекс, с которыми мы были далеко не в одной перестрелке, заднице, и алкогольном забвении. А остальные трое, оказались новичками, или же как мы их называем – крючки, клички которых я не запомнил, но думаю, на маршруте познакомимся.

В отличие, кстати говоря от многих моих знакомых, я не испытывал к крючкам брезгливости и неуважения, просто люди, может чуть – чуть поглупее, хотя, сам я далеко не эталон ума, как показала практика. Надеюсь лишь, что своей ошибкой я не приближу свой отведенный час.

Вальтер в своей манере коротко попрощался со мной, и попросил удалиться. Теперь у меня было три дня до вылазки, и я собирался конкретно просидеть два дня в баре, а третий оставить на сон грядущий, а не на все тренировки и изучение местности. Кстати о местности, нам придётся идти до Березовой Роши, но помниться мне, наши вылазки по поиску артефактов не заходили так далеко, да и на территорию «Кубы» заходить не хотелось, нет, совсем не хотелось. Что то видимо, удумал генерал, что то плохо пахнущее, если хочет загнать отряд к верхним уровням.

Глава 4

Добро пожаловать

Мы залегли около бывшей пасеки, сюда мы добрались на старой полусгнившей «буханке», принадлежащей нашему клану, и с полкилометра пересекли сухое, выжженное осенним солнцем поле.

В принципе, мы бы и могли сунуть на лапу военным, наш клан все – таки отличается идеологией с бродяжнической, и вообще полклана – бывшие военные, чего греха таить, я из их числа. Но во – первых, это всегда фортуна, поскольку идеология, идеологией, а мы все-таки путники, и нас могут накрыть внезапным артиллерийным огнем, прямо у первой линии периметра. А во – вторых: безопаснее.

Ким подал знак рукой на бродяжническом языке жестов. по моему сигналу, двое к колючке. Двое крючков быстро подползли к командиру, и когда Ким дал отмашку, быстрой перебежкой подбежали к колючей проволоке, и как на учениях, быстро и без проблем разорвали спираль Бруно, и мы следом за Кимом, рванули к Периметру.

После небольшого марш броска по первой линии обороны, мы остановились лишь с полутора километра, от места, где прорвали периметр. Для остановки выбрали неболь-

шой заброшенный домик, неподалёку от Кротовьей деревни. Раньше, ещё до первой аварии деревень тут было как грибов после дождя, и все густозаселенные, теперь же лишь мрачная тень того, ещё советского уюта, витала в воздухе, напоминая о страшной трагедии, которая здесь произошла.

Быстро войдя через маленькое, выкрашенное синей краской, которое ещё каким-то чудом не смыло ливнями и временем, крылечко, мы быстро осмотрели дом, и не обнаружив даже малейшей доли опасности, наконец, решили перевести дух.

Я сел около стены, противоположной проходу в дом, и аккуратно положив свой верный автомат на колени, наконец, прислонился к стенке. Алекс и Демьян заняли позиции у окна, крючки, тоже сидели около стенки, только подальше ото всех, ну что б не мешались под ногами. А вот Ким, сильно меня удивил, когда достал свою пачку сигарет, в открытом виде поднес ко мне, и когда я взял штучку, опустил на корточки около меня.

– Рад лично работать с вами, товарищ полковник. – Заявил парнишка мне в лицо.

– Новостей не слушаешь старшой? – Произнёс я в шутовском тоне, – Какой же я полковник? Теперь я опять мясо, ну или вон как они. – Я кивком указал в сторону крючков.

– Ты сам – то в это веришь? Может тебя, и понизили, но твои знания и опыт могут нам сильно пригодиться. Если ты не против, я могу отдать тебе положение командира

на этой вылазке.

– Никак нет товарищ капитан. Генерал приказал тебе руководить этой операцией, можешь спросить совета, или отправь меня вперед, где сомневаешься, а я же, отработаю свой долг перед генералом, и пошлю его куда подальше, старого пердуна. – Закончил я свою короткую речь, смачным плевком на пол.

Ким долго разглядывал меня своими чёрными глазами, как будто хотел увидеть, вру я или нет. Я сразу его зауважал. Моментально просто. Просто подошёл ко мне и выложил все карты. Значит, с самого начала готовил сказать это так, что бы я воспринял информацию, и не сделал дурных выводов, ну что ж молодец, пятерка за старание.

– Как скажешь брат, – Ким медленно поднялся, и я, наконец, прикурил. – Тогда... как считаешь, как нам лучше пройти к Всполью?

Опа, как говорит Алекс.

– А зачем нам к Лаборатории? Нам же по прямой до Запретного города. – Спросил я, глядя исподлобья. Очень я не люблю то место, прямо до жути.

– Приказ Вальтера, – как то неуверенно ответил Ким, – сказал, что нужно проверить обстановку на заставе. И в случае чего пополнить припасы парням. – Он кивком указал на крючков, сидевших в углу комнаты. Пожалуй, я только сейчас про себя отметил, какие-то больно большие у них рюкзаки. Да и контейнеров для артефактов, больше раза

в два для обычных бродяг.

– Класс, – буркнул Алекс глядя в окно, – Всполье, да? Ким, ты на КПК вообще смотришь или как?

– А что такое, путник? – Ответил за командира Демьян, – Ну аномалии, ну уровень мутагенных форм превышен в секторе почти вдвое, ну скорее всего мародеры при выходе на поле, немного ядовитого газа в низинах, на который по моему... у тебя аллергия, да?

– Пошел в задницу. – Парировал Алекс с улыбкой.

– Выброс через пять дней, а путь не близкий, плюс топать не по безопасной тропе, и еще тащим лишний груз, – сказал я глядя на крючков, поднимаясь с пола, – думаю, двигать надо командир, ветер меняется, да и стемнеет скоро.

Ким серьезно и загадочно кивнул. Алекс и Демьян, быстро переместились на улицу, прямо через оконные проемы, крючки, грозно ухнув, быстрой перебежкой тоже оказались вне дома, а мы с Кимом медленно двинулись в сторону выхода, на пути обдумывая маршрут.

Оказавшись на улице, мы покрутили головами по сторонам, и двинулись колонной, след в след на север. Впереди шел Ким, за ним Алекс, потом крючки, а в конце мы с Демьяном, я замыкал шествие. Поскольку шли в полной тишине, я, наконец, то мог сделать то, что всегда стараюсь сделать на вылазке по возможности:

Услышать Зону.

Мои коллеги даже не догадываются, что я настолько

ненормальный, что бы любить Зону. Да и никто и не говорит, что я ее люблю, мне просто необходимо услышать ее, раствориться в ней, почувствовать кожей неминуемую гибель, почуять носом, не через фильтр противогАЗа удушливый запах болота, пота, разлагающейся плоти, запах страха. Неимоверный ужас, который отступает днем, и окутывает ночью. И как только я это сделаю, то сам про себя отмечаю, что я лучше чувствую себя здесь, и лучше ориентируюсь.

И я услышал.

Это не передать словами. Это такое чувство, как будто ты окунаешься в воду и дышишь, и видишь все настолько ясно, что самому страшно и непонятно. Вот и я погрузился, погрузился в грязный радиоактивный омут, впитал в себя витающие в воздухе рентгены, втянул носом удушливый и сладковатый яд, наконец, позволив себе, открыл глаза.

И сразу увидел её.

– Вихрь, пять метров, прямо на тропе.

Ким встал как вкопанный, Алекс тоже, крючки остановились на полушаге, Демьян вписался в спину одного из малолеток, бесшумно выругавшись. Я же тихо прошел мимо них и поравнялся с Кимом.

– На детекторе нет её – тихо произнес Ким.

– Врет твой детектор, я вижу. Она небольшая, но мощная, абсолютно невидима.

– Как тогда... – начал, было, командир, но я ответил за него.

– Посмотри на траву справа около асфальта, полукруг примятый, верно? Причем идеальный, теперь влево, – сказал я, вбивая булыжник, прямо рядом с асфальтовой дорожкой, – куст как будто ножницами внутрь вырезан, причем опять же идеально, хотя сам куст, как видишь особой красотой, не блещет. – Я встал, и медленно повел группу по дуге, справа от дороги, – А на детекторе ее не видно, потому что размер слишком малый, такие коварные ловушки обычно в лесу, а наша вот, на дорогу вышла.

Один из крючков, по прозвищу Сектор, низкий, но жилистый парнишка с физиономией как у героя из моего далекого детства Джона Рембо, спросил:

– А каменюку то зачем вбивать? – За меня ответил Алекс, который в своей манере, был, что то типа ярого ненавистника к крючкам.

– Что бы умные вроде нас, кидали с данного ориентира болты, или посылали вперед таких щенков, как ты, помалкивай, давай, – с явным раздражением бросил коллега, – пасть еще раз без разрешения откроешь, я тебе её лично ушью, усек малыш?

Молодой сразу замялся и отступил. А молодец парнишка то. По глазам видно, что закопать Алекса хочет, да и фиг знает, сможет ли, но отвел взгляд, наверно моментально решил не дерзить ветерану, в окружении опытных друзей, и про аномалии спрашивает, держит ухо востро, зафиксировали.

Двое же других крючков, по прозвищам Айболит и Чер-

чилль, именно с двумя л, вообще не проявляли интереса. Просто перли на себе груз, не было в них ни примет особых, кроме тех что, Айболит оказался татаринoм, а у Черчилля нос на бок, а в Зоне, да при нынешней политике, у каждого пятого такой шнобель.

Дальше мы медленно продолжали двигаться по тропинке в поле, давно уже миновав деревню, шли в полном молчании, каждый думал о своем. Мне, например не давала покоя мысль, что же это за тип в штатском, который прижал генерала? Какого черта, мы прeмся на север, и на кой ляд нам на Всполье. Все это мне не нравилось на столько, что у меня затылок даже зачесался.

Все-таки правильно мы решили с Кимом, повести группу в обход второй и третьей линии обороны, прямо через лес, там ровно выйдем на Всполье, а затем и к городу подойти можно будет.

Артефакты в Запретном городе... Да, класс, мало того, что хрен знает, где конкретно мы их там найдем, так еще и со «Кубой» повстречаемся, это уж точно. Но у Кима какие-то соображения, как он сказал, можно попастьись около бульвара Картовича, бывшего продуктового магазина.

Да, год назад, мы бы ни черта там не нашли, в прямом смысле. Раньше – то как было, дикие бродяги полу – мутанты, не способные жить вне периметра, свято отстреливали обычных тварей, которые бы совались в город, и так же обирали полянки после выброса первыми, а учитывая, что у них

ных на аномалии и артефакты, жизнь в Зоне для них, не такая сложная задача, как для нас, радиоактивного мяса.

Но все изменилось год назад. Новый хозяин диких, я уж и забыл его имя... Развязал войну между своим кланом, и анархистами из «Кубы», но темные переоценили свои силы. Вишневский, новый лидер либералов, как будто ждал, что темные начнут первыми. Вишневский сразу отправил отряды смерти в город, а затем и подтянул технику с подкреплением. Дикие бились до конца, но когда Тимоху подстрелили, о, Тимоха! Вот как звали нового батьку у диких! Дикие быстро посоветовавшись в легендарном баре «Путник», быстро удалились и оставили свой дом. Вот так «Куба» отвоевала за три месяца новую точку, а мы не вмешивались, оставив все на диких. Жаль только что анархисты не так относятся к территории, как дикие. Мутанты наверно еще по памяти не приходят в город, но все равно, тварей прибавилось.

Я бы и дальше продолжил вспоминать историю Зоны, если бы нашу группу, которую теперь возглавлял я, не отвлек хрип о помощи, из ближайших кустов можжевельника.

– Эй... Путник! Помоги брат... умираю... Помоги... брат.

Я вскинул руку. Ким подобрался поближе вопреки жесту.

– Там Бродяга, ему по... – слова Кима заглушил треск моей автоматной очереди, которую я дал по кустам.

Крючки присели, Ким непонимающе посмотрел на меня, Алекс с Демьяном напряглись, но с боевой ухмылкой на лицах, как волки, учуявшие добычу.

– Сдохла? – Спросил Демьян, глядя сквозь кусты.

– Не уверен, пойду посмотрю, Ал, давай за мной.

Я медленно двинулся в кусты, держа наготове автомат, Алекс в два коротких прыжка оказался за моей спиной. Я нехотя раздвигал дулом автомата корявые ветки, похожие на ссохшиеся руки и пальцы древних мумий, которые цеплялись капюшон и лямки, но углубившись еще дальше в заросли, я увидел то, что хотел. Я сделал контрольный выстрел прямо в огромный глаз, более похожий по размерам на тарелку, мутировавшей твари и опустил оружие. Её жирное непонятной формы тело еще дергалось в после смертных конвульсиях, а четыре тяжелых зазубренных, как у краба конечностей, точно сабли, продолжали неподвижно лежать на земле, в неестественных позах. Разрывные пули это тебе не шутки, подруга. Обычно твой хитиновый панцирь на спине не пробьешь так просто, но в упор с «калаша» видимо пришелся тебе непосильным аргументом.

Обычно за глаз Хабанеры, трусливого и подлого мутанта, можно неплохо выручить, но в моей последней вылазке, я уже не гонюсь за богатством.

Выбравшись из бурьяна, мы с Алексом видели, как Демьян уже рассказывал о том, как можно вычислить хабанеру, и не попасться на её крошечные зубки.

У Кима глаза были полные удивления и досады, в них прямо читалось – «Ну как я сам не догадался?»

Но мне было не до размышлений командира. У меня была

своя мыслительная цепочка, если попался мутант, жди больше аномалий, больше аномалий, артефакты тоже не заставят себя ждать.

– Идем дальше по тропе, смотрим в оба бродяги. – Сказал я, включая КПК, всю технику перед периметром я отключал, что бы ни засекли на подходе. Теперь же можно было спокойно ее включать. Абсолютно не опасаясь перехвата сигнала. Все из – за особой энергии Зоны. Так, что мы имеем, Городецкий в «Заливном» навернулся, небольшая аномальная активность в паре сотен метров от нас, не страшно, отсутствие биологических объектов, превосходно! Я убрал КПК, и спокойным шагом повел группу на север, куда и лежал наш путь. Крючки заметно напряглись после моего представления, шли уверенно и с опаской крутя головами, Ким помрачнел, на лице у него читалась серьезная мыслительная деятельность, Демьян шел, вполголоса раздражая Алекса тупыми разговорами, Алекс же, сорвал тростинку и вставил ее в зубы, попутно говоря с неугомонным Демьяном. Одновременно высматривая местность через оптический прицел на своей «эмке».

Накрапывал мелкий дождик, когда мы поднялись по глиняному откосу, который находился в паре километров, от того места, где мы подстрелили Хабанеру. Где то далеко раздались звуки автоматной очереди, откуда мы пришли, раздался нечеловеческий вопль умирающей твари, попавшей на зуб кому то побольше, гудели вышки ЛЭП, шелестела пожухлая

листва, каркали вороны высоко в небе, Зона жила.

Смотря с откоса вдаль, я заметил группу бродяг, идущих поперек нам. Клан отсюда не высмотреть, а у Ала винтовку я брать не хочу. Лишние вопросы нам ни к чему. Демьян, уловив мой не довольный взгляд, посмотрел в сторону движения неизвестной группы, подошел ко мне, сбрасывая автомат с плеча, и на немом языке путников показал прямую линию, затем полукруг вокруг нее, и ладонью рассек это наискось, что означало: «Пройдем прямо, не прибегая к столкновению?» Я лишь угрюмо кивнул, хоть отсюда и нельзя было различить принадлежность к группировке, но двигались эти хлопчики очень слаженно и быстро, что наводит на мысль о военпутах, или же Путников на службе у Государства, они ловко обходили аномалии и изредка шугая вокруг себя наглевшее мелкое зверье из бесшумного оружия.

Ладно, хрен с ними, но некоторый пунктик я про себя все равно отметил, и смотрел бы я вдаль красному горизонту, если бы не услышал благой мат с криком наперевес нашего крючка Айболита.

Я и Демьян, ловко развернувшись на месте, привели оружие в боевое положение, я остался на месте, Демин присел на одно колено. Открывшийся обзор немного не радовал. Алекс уже смотрел стволом винтовки в кусты откуда раздавались небывалого масштаба матюки, Ким стоял как вкопанный у кустов, держа наготове пистолет, крючок по имени Черчилль тоже сидел неподвижно, на пеньке с ложкой и бан-

кой тушенки в руках, другой, маленький и храбрый крючок Сектор медленно полз в направлении Алекса.

Заливное. Коварная и подлая аномалия. С виду, темная лужа, в которую пролили бензин, или машинное масло, зависит от освещения. Обычно находится или в болотных низинах, подвалах, подземных коммуникациях, но так же встречается и в холодных сырых местах, к примеру, невысокий бурьян, на глиняном откосе, недалеко от заброшенной деревеньки.

Именно на нашем откосе.

Недолго думая, я все-таки глянул на дисплей КПК, мутагенных форм не было. Алекс, видя, как я несусь в сторону кустов, перевел прицел в другую сторону.

Кстати про КПК, находясь в Зоне, я всегда перевожу прибор в режим поиска мутагенных форм, так как аномалии если не слепой можно различить, то приближение некоторых мутантов определить просто нереально. В общем, поступаю так же, как и другой, более – менее опытный путник.

Осторожно раздвинув бурьян, моим глазам предстала страшная картина. Мне прямо в глаза смотрел Айболит. Я видел много умирающих людей, видел, сколько боли у них в глазах, но каждый раз, когда видишь подобное, тебя, охватывает волна первобытного страха, ноги становятся непослушны, а организм начинает бороться с рвотными позывами.

Он не мог кричать, уже не мог, он просто до хруста зу-

бов стиснул челюсть и мычал, медленно полз на одних руках, пропуская между пальцев сырую землю, полз в мою сторону, прочь от аномалии, которая безжалостно сожрала нижнюю половину молодого путника до костей.

Когда видишь такое часто, признаюсь вам, начинаешь привыкать. Когда видишь, что твоего друга уже поднял в воздух Вихрь, и за секунду до понимания ситуации, ты уже не наблюдаешь парящего товарища, а чувствуешь нечто теплое и острое на лице. Когда видишь, что человек, который не раз сидел с тобой за столом, пропивая свой гонорар, за то что в живых остался, сгорает и обугливается в «Огнине» за доли секунды, Когда видишь людей, которых превращают в мясной фарш всевозможные мутанты, начинаешь привыкать к этому. Это в порядке вещей. Ты знаешь, что требуется от тебя в этой ситуации, выжить, выжить любой ценой, и помочь выжить людям, за которых ты в ответе. Скорее всего, человеческий мозг на этом отключается, и начинает работать холодная и рассудительная машина.

Именно поэтому я такой.

Именно поэтому я жив.

Именно поэтому машина включилась.

В такой ситуации ты как будто отстраняешься. Начинаешь наблюдать со стороны и изредка поддакивать этой рассудительной субстанции, которая овладела твоим телом. Твои же мысли, как бы вторят мыслям той машины, за которой ты наблюдаешь. Это не было исключением, в этот раз было так же.

Я видел, как я подошел к Айболиту, видел, как он смотрел в мои глаза, искал помощи, ожидал чудо, я видел, как машина в моем теле присела перед Айболитом, и до моего сознания дошла мысль, глядя на приподнявшегося, на руках, вновь орущего Айболита.

Громко.

Коротким и резким движением, я перебил ему кадык. От удара, парнишка потерял точку опоры и рухнул лицом в грязь, он не мог орать, он лишь хрипел, жадно впитывая последние глотки воздуха в своей жизни. Пальцами он стиснул грязь так сильно, что та брызнула в разные стороны.

Он не мог говорить, даже хрипеть толком не мог. Слишком сильный удар, кровь уже стекала тоненьким фонтанчиком через рот. Он лишь жадно дышал, и одними губами спрашивал, толи у меня, толи у Бога.

За что?

Я бы не ответил на вопрос. За меня это сделала машина в моем теле, таким же быстрым и отработанным резким ударом, перебив пареньку позвонок. Он умер, больше не вдохнет. Больше не спросит. Больше не привлечет тварей своим криком. Больше не поставит под удар наши жизни.

Он умер. Больше ничего.

Обычно мозг включается сразу после подобных случаев. Это не было исключением, в этот раз было так же.

Я сидел на корточках, рядом с умершим парнем, точнее от того что от него осталось. Заливное сожрало полностью

ноги, и до самых лопаток всю плоть паренька. Теперь же из того места где должен был быть живот, торчало пара ребер, и остальная нижняя часть скелета, одна нога так и оставалась в заливном. Крови не было. Мне отсюда не было видно, но я прекрасно помню, ту зеленую корку, которая остается на теле, после контакта с этой дрянью, он пожирает и прижигает. Не один вольный бродяга сгинул в студне сам, или по воле бандитов что бы скрыть следы. Жрет заливное все, кроме костей, не понятно почему. Но поскольку дня через четыре от данной аномалии не остаётся после образования ни следа, и кости покойника тоже отправляются путешествовать по зоне, в виде корма для одичалых собак, или пыли.

Избавление молодого путника от мучений не заняло и пяти секунд, но каждый раз у меня складывается ощущение, что проходит как минимум пара часов.

Я обернулся, сзади не было никого. После выключения машины в моем теле, мне же остаётся только прибираться за ней. Я посмотрел на ноги Айболита, аномалия была где – то метр в диаметре, до сих пор пузырилась, рядом с останками лежали в аккуратном порядке все вещи и тюки Айболита, включая автомат. Рядом с автоматом, лениво дотлевал, лежащий рядом со студнем рулон туалетной бумаги. Вот значит, как все было. Этот придурок пошел по нужде не посмотрев по сторонам, и угодил прямо в заливное. Хорошо хоть вещи снял. Я вновь обернулся, никого не было.

Подтянув за ручки легкие останки молодого путника,

слабым толчком, я вновь отправил их прямо в центр аномалии, наблюдая как в пузырьках радиоактивной кислоты растворяются все мышцы, кожа и останки одежды незадачливого охотника, со проводимые тихим и неприятным шипением.

Тихо встав, я аккуратно взял вещи Айболита, предварительно посмотрев, не попала ли какая ни, будь капелька этой дряни на вещи. Посмотрев вновь, на уже голый скелет бывшего путника, я аккуратно вышел из кустов.

Напряженные, они смотрят на меня и ждут.

Ждут и Айболита. Верят, что он жив.

– Вольно бродяги, – говорю я ледяным голосом, – все чисто.

– Где крюк? – Спросил Ким, опуская автомат, и заглядывая мне за спину.

Где крюк. Хороший вопрос командир, скорее в лучшем месте, нежели мы сейчас. Что мне тебе ответить? Я знаю, что. Но вот только как минимум двух людей, здесь не обману.

– Заливное. Полностью сожрал, молодой пострать пошел, и неудачно приземлился. Войдя в кусты, я увидел лишь голый скелет. Парень обделаться даже не успел. —

Алекс и Демьян переглянулись, Черчилль обхватил голову руками, Сектор, оставаясь на земле, лишь уткнулся лицом вниз. Ким просто обошел меня и скрылся за кустами. Я встретился взглядом с Алексом, он ободряюще подмигнул,

перевел взгляд на Демьяна, тот лишь ехидно улыбнулся.

Они поняли.

Нет, они знали.

Наша компания, которая всегда сидит за одним большим столом в баре не была святой, это уж точно. Но и бандитских поступков мы не совершали. Ким и оставшиеся крючки, могли воспринять это с тревогой, и тогда работать с холодной головой пришлось бы Алу с Демином. Мне легче было убить и соврать, нежели попытаться спасти, быть героем в глазах щенков, и стопроцентно, гарантированно сдохнуть. Айболит был громким, но уже трупом, его было невозможно спасти, и я облегчил его страдания. Так бы он привлек еще больше неприятностей, и мы бы потеряли еще, кого ни будь. Это нужно было сделать, необходимо. Хотя... Перед кем я оправдываюсь?

Сектор стоял, теперь он смотрел в кусты, не веря, что один из нас погиб. Уж не знаю, какими они были друзьями с усопшим,

– Пора выдвигаться командир, – сказал я, повернув голову и кидая вещи Айболита в ноги к Сектору, – аномалия может разрастись от пищи. Нам это не на руку.

Ким вышел из кустов, грязно выругался, и повел группу дальше по откосу, подальше от кустов, и молодых деревьев, которые так и не просохли от вечного дождя Зоны. Вот так оно и происходит. Молодой умирает, старики, недовольно фыркнув, распределяют вещи покойного по оставшимся

крючкам и идут дальше, оставляя новичков не только с вещами, но и с собственными мыслями и очередным жизненным уроком. Не мешать, не лезть вперед и слушаться. Иначе тебя так же оставят в Зоне, и если повезет то мертвого.

Все возобновилось, я шел уже впереди, обходя слабые, но вредные аномалии, Ким топал за мной, Алекс с Демьяном шли в конце, о чем – то споря в полголоса, а бедные крючки перли на себе еще больше груза, не только физического но и морального.

Так бы мы и шли до заставы по прямой. Так бы и выполнили задание, если бы у Кима не сработал его КПК, говорящий голосом Лёвы, нашего кланового метеоролога.

«ВСЕМ КОМАНДИРАМ ОТРЯДОВ И ГРУПП, НАХОДЯЩИМСЯ В ПОЛЕ! ПОВТОЯЮ: ВСЕМ КОМАНДИРАМ ОТРЯДОВ И ГРУПП, НАХОДЯЩИМСЯ В ПОЛЕ! ПРИБЛИЖАЕТСЯ ВЫБРОС! НЕМЕДЛЕННО НАЙТИ УКРЫТИЯ!»

И так несколько раз, но обычно после первого оповещения, мы несемся к ближайшему укрытию. Это так же не было исключением.

Я часто проникал в Зону в этом месте и знал небольшое очистительное сооружение, находящееся близко от нас. Сейчас не стоило винить Лёву в том, что он, сволочь такая, опять накололся с выбросом, но тут не прогадаешь, или недельный перерыв, или два подряд. Сейчас шанс нарваться на аномалию или зверье сильно возрос, но пока я и опытные игроки

с этим справлялись, крючки натужно хрипели, но бежали, не отставая за Алексом, ломая молодые, уже сухие деревья и разрезая и втоптывая кусты, что твой ледник мировые континенты.

Вот, я вижу бугор из песка и отсева, видимо раньше бывший маленький карьер, но не суть, за этим бугром стометровая асфальтированная площадка, а уже за ней подстанция. Состоявшая из двух будок, небольших ворот с забором из сетки – рабицы, от которой уже ничего не осталось и одним входом в коллекторную, в который нам и надо было попасть. Открыть деревянную дверь, спуститься на два лестничных пролета вниз, еще одна железная дверь, и все, мы в домике.

И все бы ничего, если бы я, включив фонарь, на полной скорости обогнув бугор, не увидел картину, заставляющую сердце биться так сильно, что чечетку можно отплясывать.

Зомби, зо, мать твою, мби. Хрен бы с ним, если бы это был один безмозглый труп бедолаги, который теперь уже в мертвом виде, играет за противоположную команду, желая сожрать тебя на этой проклятой земле, но ведь он был не один. Никогда не видел столько зомби сразу плотно стоящей кучкой. Врать не буду, не считал, сколько их было, но сейчас скажу, что было около тридцати.

К сожалению, я не мог броситься в панике прочь, как маленькая девочка. Мне нужен был этот коллектор. Время застыло, машина включилась.

Вход просматривается. Есть тропа. Даю команду. Снимаю пятерых, которые стоят ближе ко мне. Они должны будут упасть на своих собратьев, те упадут, зацепят еще нескольких. Уже хорошая тропа до входа. Не вляпаться. Расчёт на стрелков позади, снимут еще пару – тройку. Я у двери, разворот, огонь. Мы внутри. Шанс успеха: семьдесят процентов. Шанс провала: десять процентов. Шанс потери очередного крючка: восемнадцать процентов. Шанс потери ветерана: один процент. Шанс моей смерти: один процент. Три. Два. Один.

Стреляю от бедра, ору благим матом в нужном направлении. Бегу сквозь уже падающих зомби, их гнилая кровь и плоть забрызгивают мне лицо. Я бегу, с разгону проламываю череп незадачливому зомби, стоящему у ворот прикладом. Десять метров до входа в коллектор, беру разбег, припадаю на колени, скольжу до двери на наколенниках и заднице, разворачиваюсь, не больно, но ощутимо ударяюсь о бетонную стену коллекторной. Прикладом вышибаю петлю, перехватываю автомат и ловлю голову зомби в метре от меня, стреляю, еще стреляю, сквозь толпу в дверь влетает Демьян, снося ее к черту всем своим весом. Стреляю, за дверью уже скрылись Ал с крючками, вижу Кима, стреляет на ходу. Прикрываю, зомби справа от него, скользит зубами по армированному наплечнику, и его голова приветливо, хоть и неохотно встречает мою пулю.

Ким внутри, коротким прыжком я запрыгиваю внутрь

сам, и качусь кубарем по лестнице, чувствую, что сбил Кима, теперь катимся вдвоем, считая головами железные прутьики перил, болью отзывается спина, говоря о том, что один пролет площадки пройден. Ким вскочил, пытаюсь меня поднять, короткой подсечкой я отправляю его в еще одно путешествие по лестнице. Скажу потом, что случайно. Присев на колено, свечу фонарем в проход, один зомби уже на первой ступеньке. Выстрел, его тело отбросило назад, выиграв этим нам еще одну минуту, теперь я, уже в львином прыжке перепрыгиваю остальной путь по лестнице, какая то сволочь засветила мне в кромешной темноте фонарем в глаза, ослепнув на секунду, бегу на фонарь, со всего маху врезаюсь правым плечом в стену, но тем не менее оказываюсь внутри, падая, и теряя сознание от боли во всем теле, я слышу как закрывается дверь с круговым вентиляем, как на подлодке.

Почему меня не подняли? По сути, я чувствую, как кто – то толкает меня ботинком в стопу. Пытаюсь приподняться, открываю глаза, сзади по мне уперся лучик от фонаря. Смотрю на свой автомат, фонарь при мне, а кроме меня, у всех фонари лежали в рюкзаках. Напрашивается простой, и логический вывод, тот, кто светит на меня, не мои коллеги, следовательно, тишина, которая перебивается нашим сбивчивым дыханием, и царапаньем зомби с наружной стороны двери, не ловкая. Ладно, будь что будет, извиняться буду потом.

На руках я отталкиваюсь с такой силой, будто матрасная пружина в брачную ночь, и ногами сбиваю Мистера X, в рас-

слабляющем, как оказалось ударе, около уха, что то очень быстро пронеслось, свет фонаря упал, а затем я услышал грохот выстрела, теперь не по мере сильный звон в ушах от контузии. Теперь я и Мистер X в одной горизонтальной плоскости обмениваемся в крошечной темноте сильными, но не всегда попадающими в цель ударами. Не понятно, как, но неизвестный оказался на мне, и теперь не особо технично, методом проб и ошибок искал мое лицо, пару раз нашел. Наверно, хорошо все – таки являться двухметровым кабаном, который, наконец, таки понял, что тут происходит, потому как, противник не ожидает от тебя быстроты. Я так сильно ударил противнику в голову, что почувствовал сквозь перчатку его зубы. Этот неизвестный не заблокировал мне руку, за что и поплатился. Потом, воспользовавшись его беспомощностью, я быстро нашел его голову, и несколько раз вбил оставшиеся аргументы в свою пользу.

Сзади тоже происходила какая – то возня. Где то с мину-ту, я искал свой автомат. Нашел, тут же включил фонарь, и направил на источники звука.

Смех и грех, ей богу. Стоит наверно, рассказать с само-го начала, точнее, с того момента, когда вбежал и спустил-ся в коллектор Алекс. На самом деле, там еще были бродя-ги, которые уже закрывали дверь. Алекс успел втиснуться, сбив Мистера X. потом влетела вся наша группа, кроме ме-ня, которых быстренько взяли на мушку. А когда оказался внутри я, план перехват наших еле заметных противников

провалился. Мы в свою очередь, не знали, сколько их, а они в свою очередь, после моего выпада, потеряли нас из виду.

Теперь, что предстало моим глазам, за исключением Мистера Х.

Демьян, методично держал Кима в удушающем захвате, Черчилль и Сектор вяло валтузились в центре маленькой комнатушки, и лишь Алекс, видимо единственный кто не потерялся в пространстве и запомнивший, где стоит еще один противник, прижал его локтевым сгибом в районе шеи. Как оказалось, их было двое. Все с закрытыми глазами и ругаясь в пол силы, которых и так не осталось.

– Ал! Кидай его на хрен и беги на свет! – Осипшим голосом только я и мог выдать, Алекс, так быстро принял команду, что на бегу зацепил Черчилля, от чего тот потерял точку опоры, и Сектор, воспользовавшись такой возможностью, отправил его в нокаут хорошим ударом в челюсть. Кое – как, но, Алекс оказался за моей спиной, выхватил у меня из кобуры на поясе пистолет и держал на мушке Мистера Х. Второй же бродяга без опознавательных знаков шмякнулся на пол и начал блевать прямо в противогазе.

– Демьян! Отпусти его мать твою! Это командир! Сектор, свали отсюда влево и ложись!

Все, ситуация снова под контролем.

– Ал, оттащи его ко второму, и проверь дверь, Демьян, оглох что ли? Отпусти его, я тебе говорю! Вот, молодец. Сектор, лежи не рыпайся, у тебя какая – то хрень рядом! —

Пока Алекс тащил Мистера Х, я светил ему вслед, потом мой коллега скрылся за моей спиной, и теперь можно было нормально рассмотреть этих двоих. Один уже додумался освободить нижнюю половину лица от противогаза и блевал уже без затруднений, а вот второй... Оп – па. Вот это встреча. Я сразу узнал этого парня. Это он дрался в баре за девчонку. Твою ж мать, как неловко то. Но он меня чуть не пристрелил. Не узнал, что ли? Ладно, очухается, спрошу, пока второму помогу.... Вот и снова мать твою, дубль два. Короткая стрижка не могла скрыть ее маленькую голову и красивые глаза, на которых тоже было содержимое желудка. Точно! Тот разговор, который я подслушал! Этот придурок повел бабу в Зону! Она уже не извергала содержимое желудка на пол, а просто уткнулась головой в лужу из собственного организма и наконец, тяжело дышала. Алекс передержал немного.

А вот Мистер Х лежал и дышал спокойно, хоть я лишними аргументами превратил его лицо в эскиз Пикассо, ранней стадии.

– Металл! Металл! – она схватила его за рукав куртки, – Металл! Ты жив? Ответь мне! – Поражаюсь, девчонка сейчас должна была бы охренеть от происходящего и вообще не подавать признаков жизни. Однако она хрипела, разрабатывая пережатую Алексом гортань, пытаюсь привести Мистера Х, который оказывается Металл, судя по всему одиночка, в сознание.

– Он в порядке, ну, в относительном. А сейчас, моя хорошая, отодвинься от него, мы не причиним вреда. Больше не причиним. Мы не враги, я знаю вас, точнее видел.

– Это то и страшно. – Неожиданно даже для меня подал голос Металл. – В основном только знакомые и направляют пушки в Зоне друг на друга. – Говорил он на удивление спокойно, как будто ему и не прилетал строительный молот в лицо в виде моего кулака.

– Я Жнец, видел, как ты дрался в баре, это я тебе помог.

– А по башке сейчас зачем надавал?

– Это... сложно объяснить. Прости, сработали рефлексы. – Я опустил автомат. – Иногда я не хозяин своему организму.

Алекс стоял за моей спиной, он уже привел в чувство остальных членов команды, за исключением Черчилля, который теперь находился на попечении отключившего его Сектора. Я присел на одно колено и начал рассказ с момента сигнала о выбросе. После чего протянул руку, помог подняться.

– Мужик, с тебя все равно бутылка. – Только и сказал парень, когда я поставил его на ноги, и он сразу же начал помогать девушке.

Хрен с тобой Рембо, надо своих осмотреть.

Наконец – таки, я увидел нашу группу воочию. Алекс, и без того уже взбешенный, смотрелся в свете фонаря, как натуральный псих, даже не щурился, просто смотрел в сто-

рону фонаря. Кроме ссадин ничего не было, уже радует. Демьян, вообще не пострадавший при экстремальном спуске, только все лицо и одежда в остатках от ходячих мертвецов, не смертельно же, верно? Сектор, припадает на колени, правая щека разодрана, походу на косяк налетел не я один. Черчилль, в глубоком ауте, но целый. Ким, охтыж, по ходу лишний спуск с лестницы был излишний. Пробил голову, это видно по маленькой струйке крови, и на ладони, которой он прижимал рану. Ладно, не умер же.

Мы перевязались в своем углу, а Металл с девицей в другом. Мое плечо конечно болело, но не особо давало о себе знать, я перевел взгляд на крючков, и прежде чем, я успел разозлиться, меня перебил Ал.

– Жнец, слушай, не злись, я дал команду, я. Когда ты ломанулся вперед, что – то крича, я рявкнул этим малолеткам. Что бы скинули тюки, думал, что то серьезное, – Он виновато улыбнулся, – Зато все живы брат, хрен с ними, с вещами, на аванпосте пополним, если надо, то и прикупим, верно?

Я согласился. Нет смысла отрицать то, что он сделал все более чем правильно.

Ухнуло в ушах.

Перекрыло дыхание на один миг.

Выброс.

Это не перепутаешь ни с чем. Заявляю, как эксперт. Та сила, которая через несколько секунд пройдет над нами, убивает все живое, сметает все как цунами, набирая силу и по-

степенно растворяясь перед ночным небом периметра. Байки гласят, что во время выброса красиво. Есть одна байка, которая мне нравится. Уж не знаю, правда, это или вымысел, но она более правдоподобна, и перед тем, как я сейчас вырублюсь, и как вырубятся все от выброса, я ее все-таки вспомню.

Был один путик, прозвище не помню... Толи Землеройка, толи Крот, ну да вот, был он диггер жуткий, ну вот не привлекало его земное царство, вот и спускался то в шахты, то в катакомбы, но не суть. Однажды при спуске в подземелье, точнее перед ним, он снял с себя все снаряжение. Включая очки-камеру, и артефакт «Зарядник». В общем, выброс грянул так неожиданно, что бродяга, с одним автоматом наперевес, прыгнул прямо в люк на Всполье, и быстренько забился поглубже вниз, что твой гоблин. А вот камера то его, при помощи артефакта включилась, и вопреки бродяжническим законам, весь выброс работала. И сняла красные облака, раскаты грома, силуэты умерших бродяг и ученых что работали на том НИИ, еще до.

Некоторые говорят, что брехня, некоторые до сих пор божатся, что видели это видео, которое показывал сам путник, но передать его на их девайсы было невозможно, другие говорят вообще, что помер бродяга тот при выбросе, или шею свернул при резком спуске, но ведь земля слухами полниться, только этим и живем, верно?

Все, вот оно, чувство тревоги и... резкий сон.

Глава 5

Выброс

Солнце только начало поступать из – за серых туч Зоны, в то время как я уже поймал в перекрестье оптического прицела, стоящего на вышке, бойца группировки Обелиск. Фанатика, верящего в то, что осколки экспериментальной установки могут исполнять заветные желания.

Я беззвучно привел группу в окрестности Лаборатории ночью, что бы нас ни заметили с утра на подходе их часовые около района Лесного. Их было много. Большой отряд этих фанатиков поклоняющихся несуществующей холодной глыбе.

На кой ляд им Лаборатория? Меня это не интересует. У меня четкий приказ, так же как и у других командиров групп, которые вместе со мной, уже взяли в окружение почти всю прилегающую к Лаборатории местность. Четкий приказ ликвидировать угрозу внутри периметра.

Бойцы Обелиска не заходили так далеко уже порядка двух лет, а это уже что то серьезное. Однако, вынужден повториться, меня это не интересует.

Я вожу указательным пальцем по курку моего новенького «Винтаря». Сквозь фильтр своего противогаза, я могу уло-

вить едва уловимый запах оружейной смазки. Мой выстрел – начало операции, и хоть он, как и остальные четырнадцать выстрелов будет беззвучным, тут же начнётся шквальный огонь по корпусу Обелиска, не оставляя им ни единого шанса на жизнь.

В нашей операции приняли участие многие кланы, за исключением Кубы, так как Куба, естественно, не примет ни малейшего участия в карательной операции Иерихона, в коалиции с большинством кланов Зоны.

Основную мощь и поддержку Иерихону оказали Бакланы, так как у главы клана появились виды на Лабораторию, после того, как наше начальство предложило им участие в операции.

Паренек в городском камуфляже, казалось, смотрит прямо на меня, прямо в глазок прицела, невольно зеваает, и с сонным видом начал прихлебывать чай из большой алюминиевой кружки. Сквозь расстояние, благодаря моему прицелу я вижу небольшой парок выходящий из кружки, жду когда боец, наконец её опрокинет, и жму на курок.

Пуля, беззвучно выйдя из моего «Винтаря», меньше чем за долю секунды, прошла сквозь кружку, и продолжила свой путь уже в мозгу фанатика, при выходе оставляя красивый, кровавый след.

Боец Обелиска, пару секунд еще стоял неподвижно, как будто он еще жив, и отпустив наконец дырявую кружку из своих мертвый пальцев, боец начал медленно падать

на спину. Парень еще не достиг конечной цели своего падения, как меня со всех сторон оглушила канонада выстрелов.

Предраассветный туман заменили ядовитые облака пороха. Автоматы и гранатометы работали со всех сторон, я тоже не мешкал, отправлял одну обойму за другой, правда одиночными выстрелами. Поскольку там и так уже все превращалось в мясной фарш из за свинцового дождя. Который сыпался, что твой сахар.

Пришло время выдвигаться, гранатометы стихли, задние пулеметчики тоже, мы, наконец, таки встали. Я положил винтовку в чехол и закинул за ящик с патронами. Перехватил кинутый мне Алом автомат. Ловко передернул затвор, и медленно пошел вслед за группой. Наша группа, как и все другие отряды уже потихоньку спускались со склона продолжая поливать свинцом территорию.

С территории доносились крики умирающих и ничего не понимающих бойцов Обелиска. Наша группа подрывников уже взорвала ворота и близлежащие стены, и когда основные силы подтянулись, вход на территорию Лаборатории был совершенно открыт. Я, как и многие другие уже не стреляли на подходах, боясь задеть, кого ни будь из наших, работали в основном снайперы, и те, кто уже зашел на территорию. Наконец мы приблизились к прорехе в стене, Алекс и я отработанными движениями быстро вошли в едкий дым, оставленный от взрыва. Нашим взорам предстали лишь многочисленные тела убитых, и поврежденные близле-

жащие укрепления. Операция на полном серьезе почти кончилась, поскольку лишь с другой стороны базы доносились короткие очереди и крики. Теперь мы шли, спокойным шагом, по отвоеванной территории, держа оружие наготове, если, как говорится, что. Стрельба стихла, наши и бойцы дружественных группировок уже говорили в голос, но, все же держа ухо в остро. Поскольку оставался еще один не зачищенный сектор, к которому по идее должны двигаться Бакланы, однако, датчик передвижения групп показывал, что они стоят перед воротами огромного промышленного цеха, или ангара и не могут попасть внутрь. Поступил приказ, что группа Жнеца должна идти на помощь, поскольку у них возникли технические затруднения, и моя группа должна обеспечить прикрытие.

Быстро спрятав наладонник, мы легким бегом достигли этого огромного здания. Коротко обменявшись парой слов с Бакланами, я приказал бойцам смотреть в оба и оставил Алекса за старшего. Сам же развернулся к воротам, которые были заперты электронным замком.

Послышался легкий писк, и красная иконка на маленьком дисплее ворот стала зеленой, ворота открылись.

Я стоял в десяти метрах.

Как только дисплей стал зеленым, почти тонная дверь вылетела с петель, убив на месте ребят, которые открыли эту дверь. Вторая же воротина по инерции открылась с такой силой, что откинула на несколько метров стоявший около них

остов старого джипа.

Прямо напротив меня стоял разъяренный Голиаф, огромный мутант, из него торчали провода, его огромные ноги – руки были оплетены железными жгутами мышц, вперемешку с органикой, нижняя маленькая челюсть состояла из различных имплантатов. Голиаф издал глубокий и протяжный утробный крик, размахивая в разные стороны своими атрофированными передними ручонкам. С этим утробным ревом из за его спины показались новые Голиафы, их было не сосчитать, они были обычными, не модифицированными, но их было много, очень много, обычно одного то не увидишь, а если и увидишь, то бежишь не оглядываясь, поскольку они медленные и благо от них можно убежать. А вот когда видишь такой живой танк перед собой, да и в таком количестве, да еще и на таком расстоянии, тебя сковывает страх. И теперь этот Альфа – гигант, смотрит мне в глаза, забирает землю ногами, как бык на корриде, и делает маленькие шажки в мою сторону, а теперь и короткий и мощный рывок.

Я помог открыть ящик Пандоры.

И мне теперь смерть в числе первых.

Я проснулся от короткого тычка в голову.

– Гуттен могоен хер Жнец.

Твою мать! Что происходит? Я связан! Я лицом в полу! Какие нахрен немцы? Я только что чуть не умер от Голиафа!

Я поднял голову, я в нашем укрытии от выброса, вся моя группа и Металл с бабой, в таком же положении, как и я, ря-

дышком, а передо мной сидит здоровенная детина, которая тычет в меня пистолетом.

– Не признал, что ли? Мне говорили, что у тебя прошла амнезия мой маленький фройнд.

Вот теперь я его признал. Это не мог быть никто другой как Илья Шульц, член группировки Куба, с которым я по сравнению малолетний пацан. Он просто огромный, я бы сказал безразмерный. Один из участников карательного отряда Кубы, группы полных отморожков, под командованием у полного психа... Стоп, только не это.

На плечо Шульцу легла маленькая ладошка, и я, к сожалению, знал, кому она принадлежит.

Предводитель карательного отряда, полный псих, и по некоторым данным каннибал, ни кто иной, как путник по прозвищу Горбун.

Наверно здесь неплохо рассказать о моей скромной персоне побольше...

Я не помню кто я.

Нет, скорее не совсем так. Начнем с небольшой формальности, у меня легкая амнезия. Первое что я помню, после того как я с проводником убил мутанта косой, это то что я очнулся в больничном КУНГе одной из легенд Зоны, Лесного Доктора. Пару лет он выхаживал меня, так как ему мой случай казался интересным. Я не помнил кто я, не понимал где я, и что происходит.

За эти пару лет, Док показывал мне аномалии, мутан-

тов, их слабые места, растения и травы, какие полезные, какие опасные. Рассказал о Путниках, группировках, катастрофах в мире, Вспышках, выбросах, об артефактах, об оружии. Единственное что помнил мой организм, это рукопашный бой. Доктор очень этому удивлялся. А поскольку он поклонник экстремальной медицины, то приводил мутанта – телекинетика, которых называли Визорами, и через него пытался достучаться до глубин моей памяти, как всегда безрезультатно. А потом, спустя два года, он выдал мне мой бродяжнический КПК, сказал, что это было единственное при мне из вещей. Так же сказал, что я, зажавши КПК в одной руке, без оружия, лежал посреди леса, где он собственно меня и нашел. Естественно включив КПК, я надеялся хоть что – то узнать о себе. К сожалению, нашел я немного. Там было написано, что владельцем этого КПК является путник по кличке Жнец, не состоит ни в одной из группировок, контактов на КПК не было, показана моя фотография как владельца. И не верить Доку, которому я так же помогал латать вольных бродяг, у меня причин не было. Я не был сильно разочарован, но и не доволен я был тоже, и тут Док предложил мне самое оптимальное решение задачи.

Доктор при помощи своих связей отправил меня в армию в звании капитана. В армии, единственное, чем я, пожалуй, занимался, оттачивал ближний бой до Абсолюта. Потом благодаря Докторским связям я быстро получил звание полковника, и по собственному желанию вышел на пенсию. На де-

ле – вступил в Иерихон. В погоне за своей памятью, я поддерживал, естественно в тайне, контакт с Доктором, который спустя определенное время, сказал мне название артефакта, который, по его мнению, должен был помочь мне вернуть память.

Естественно это был редчайший артефакт.

Естественно я его отыскал.

Став со своими познаниями и навыками незаменимым бойцом для Иерихона, меня снабдили всем необходимым оборудованием для моей собственной операции, о которой кроме меня, Доктора и генерала никто не знал.

Артефакт, под кодовым для меня названием «ПАЗЛ», находился в районе Александрова, в месте под названием Миромир. Так путники прозвали большой многоэтажный дом, на котором большими, уже проржавелыми от старости буквами было написано: МИРУ – МИР. Артефакт находился в подвале этого дома, я был так близок к обретению моей памяти, что не обращал внимания на трудности, которые были у меня на пути. В конце концов, я держал этот артефакт в руке, небольшая сфера излучала слабый зеленоватый цвет. И как говорил Док, как только я найду этот артефакт, его нужно будет взять в руку и крепко стиснуть, что бы он лопнул. Так я и сделал.

Зеленоватый кусок иноземного вещества и в самом деле показал мне кто я.

Память я потерял во время завала, так как оказалось, в Зо-

ну я пришел совсем пацаном, со своим другом, которого считал братом, мы всегда были вместе, действовали спаянным тандемом, полностью дополняя друг друга, идеальная команда. Но спустя недолгое время, находясь на очередной вылазке в Зоне, в каких-то катакомбах, там начало все взрываться, мы, с ним оставшись вдвоем бежали к выходу, начал происходить обвал, и, понимая, что Дюшес, так звали моего не кровного, но все-таки брата. Понимая, что Дюшес не выживет, я кинул его в проход, где был выход на поверхность, а сам остался умирать. Потом «ПАЗЛ» открыл мне страшное, заплывшее жиром лицо Крота, опасного мутанта – телекенетика, с огромным для его вида ртом. Крот прокопался до меня и попытался сожрать в своей норе, оттащив меня до туда. Дальше я увидел, как я сам, коротким и быстрым движением руки окунул руку в пасть чудовища и начал рвать все внутренности мутанта, терпя его укусы, потом чувствуя, что мутант слабеет, свернул карлику шею.

А вот как я добрался до болота, Артефакт мне не показал, до сих пор это тайна для меня самого, но вернемся в Александров, где Артефакт показал мне истину меньше чем за секунду.

От такого круговорота мыслей шла кругом голова, недостающие элементы памяти, так резко вошли в мою голову, что я еще толком не мог понять, что к чему, а когда картинка сознания стала более четкой, мне в спину уже дышал ствол автомата.

На прицеле, прямо, как и сейчас держал меня Шульц, а сзади, сгорая от лютой злобы, стоял маленький парень по смешному прозвищу Горбун, и смотрел прямо на меня.

Как оказалось позже, естественно не я один охотился за Артефактом, продав который можно было обеспечить себя и несколько поколений вперед. Но были и другие желающие, и, увидев, как я, тупой бродяга из вражеской группировки раздавил философский камень в руке, эти желающие очень сильно рассердились. Пока они меня били в этом самом подвале, я узнал о них более чем достаточно. Оказалось, что они из Кубы, группировки с которой мой клан ведет непрерывную борьбу, что они искали этот артефакт, более чем долго, что бывают люди побольше чем я, причем в разы, и то, что маленькие и слабые люди, прекрасно знают, как причинить боль.

Потом меня вывели на улицу, что бы предать, по закону карательного кодекса, последнему суду. Застрелить меня короче хотели. А меня, как человека, вновь получившего назад свою память, этот расклад совершенно не устраивал. Шульц бросил меня в ноги к Горбуну как котенка, и я, лежа перед ним на всех своих конечностях, заметил у него за голенищем нож.

Странно, но пока Горбун что – то нудно трывдел про кодексы морали, целясь мне за шиворот, во мне закипала злость. Это был первый раз за долгие годы, когда включилась машина в моем теле. Время замедлилось. Я коротким рыв-

ком выхватил ножик, у него за голенищем и плечом сбил руку Горбуна с пистолетом, над ухом прозвучал выстрел, меня оглушило, но было не до этого. Не рассчитав все – таки рывка, я полоснул Горбуна ножом не по шее, а по лицу, поскольку от моего рывка Горбун полетел в этот самый подвал, попутно матерясь и паля в воздух. Резко развернувшись, я был готов принять бой от Шульца, но обернувшись, я увидел, как тот лежит, держась за бок. Пуля Горбуна, сбитая с траектории, пришлась ему точно между ребер. И как только я хотел добить этого великана, как с подвала начали поступать звуки пришедшего в себя Горбуна с оружием, который взбежал по лестнице, поминутно останавливая меня нецензурными выражениями. Как же ш, остановлюсь я, держи карман шире. Наверно, никто и никогда не делал такой спринт – марш по Александрову без оружия, как я. В итоге я скрылся от преследователя, и двинулся без оружия в Болотистый Лес. Был риск, но я выжил. Благодаря опыту, и знаниям Доктора. Добравшись до дома в лесу на болоте, и пройдя качественный медицинский осмотр, я все рассказал Доку, и падал ниц в благодарностях за то, что он для меня сделал. После небольшого отдыха на болоте, и попросившись с одной из легенд Зоны, которая стала мой другом и которая, кстати, снабдила меня новеньким автоматом, провизией, и патронами в придачу, я отправился на свою базу.

После моего возвращения и недельного загула, я начал наводить справки по Дюшесу, после полугода поисков, я на-

ткнулся на информацию что был такой путник, ходил под Кубой, что было для меня не важно, но сгинул в Зоне, умерев жестокой и мучительной смертью.

Я долго оплакивал своего друга, да так, что это ударило не только по моей печени, но и по кошельку. Хорошо, что у меня в клане были мои друзья, которые помогли мне преодолеть это, и я вновь стал Путником, Рыцарем без страха и упрека, радиоактивным мясом.

Как выяснилось, Горбун заточил на меня конкретный зуб, так как от него не уходил ни один бродяга, перешедший ему дорогу, поскольку и следопыт то он, едрить его в пень, очень замечательный, я так же выяснил, что Горбун – натуральный отморозок с психическими проблемами, которого побаиваются даже самые верхушки руководителей Кубы.

Шульц тоже выжил, и тоже имеет на меня зуб. И теперь эти два кренделя стояли напротив меня, и наслаждались великолепием гребанной ситуации.

Хоть мы и пересекались иногда в Зоне, но что бы так, никогда.

Хоть я и лежал в не очень удобной для меня ситуации, я с удовольствием отметил про себя как удачно я тогда Горбуну полоснул по роже, ото лба до подбородка с правой стороны у него красовался шрам. Горбун присел рядом с Шульцем, и, приподняв мою голову одной рукой, второй, указывая на свой шрам ехидно спросил:

– Узнаешь?

– А чего тут не узнавать то Горбушка, моя работа, красиво. Говорят девчонкам нравится, спасибо хоть бы сказал.

Горбун засмеялся от души и в голос, я заметил на лице Шульца ужас, значит дело дрянь. Горбун ржал как конь, где то с минутой, помимо Шульца, в комнатухе находилось еще трое, которые держали нас на прицеле, значит сверху или в коридоре еще трое. Наконец насмеявшись, Горбун опять присел на корточках около меня.

– Спасибо.

Вот если бы не моментально изменившееся лицо, я бы даже испугался. Секунды не прошло, как он снова был мистер – ледяное сердце.

– Да, пожалуйста.

Я хотел еще чего ни будь добавить, но в голову мне прилетел приклад и разговор не задался. Господи, да за все время в Зоне мне прикладом столько не прилетало прикладом, сколько за эту неделю.

Очнувшись на улице, я увидел перед собой разлагающееся лицо уже окончательно мёртвого зомби. Нас всех вытащили на улицу, и полностью сняв с нас все наше добро, Кубинцы решали, что делать с нашей группой, за исключением меня. Ведь на мой счет, я уверен, у них очень серьезные намерения. Мои философские размышления на счет того, какие пытки для меня припас этот ненормальный, как обычно прервали.

– Поднимай их Шульц, поведем на базу. Придадим этих

чуваков СВЛ.

СВЛ. Он же Суд Высших Либералов. Как же, наслышан. Трое самых матерых и известных Кубинцев в любом случае признают нас виновными на глазах у всего клана. А после выберут одно из хреновой тучи наказаний. Начиная, повторяюсь, начиная от четвертования, заканчивая спаррингом с изломом каким ни будь, фантазии и вольнодумия у этих перцев всегда было хоть отбавляй.

– Я воль хер штандартен фюрер! – Тотчас же отозвался Шульц, а вместе с этими словами вся группа карателей встала по стойке смирно.

– Господи, ну застрелите же меня уже сволочи! – Я бросил гневный взгляд на Горбуна. – Не потому, что, дескать, перепугался твоего величия, о всемогущий Фюрер. Или своего любовника заткни, я его ломанный немецкий слышать больше не могу! Понял ты, – Я перевел взгляд на Шульца, – Образина криворукая! Их дойче нур ерсхейкен кляйн киндер!

– Ах, ты говна кус...

Шульц не закончил. У Горбуна в руке был дымящийся пистолет. Из которого он только что вышиб мозги человеку, который был в его беспрекословном подчинении. С которым он провел без малого пятнадцать лет. Который бы умер за него абсолютно не раздумывая.

Горбун шмыгнул носом. Огромное тело Шульца не хотело падать, только ровно стояло, потихоньку заваливаясь вбок, прямо на бедного крючка Черчилля, который уже пришел

в себя.

Адский огонь ещё пылал в глазах Горбуна, когда он перевел взгляд на меня.

– Так сойдет?

Я честно, и невольно заткнулся. Лягну чего ни будь не того и все, прощай шанс на выживание. Хрен его знает, что этому психопату взбредет в голову. Я посмотрел на бойцов Кубы. Вот хоть у кого ни будь, мускул дрогнул. Все стояли молча, словно гордые и сильные арийцы, перед мелкими и ущербными иудеями.

– Вот и хорошо. Если будут, какие ни будь пожелания, обращайтесь мой дорогой, в прямом смысле этого слова, друг. – Он перевел взгляд на бойцов. – Шайга, Валера, снимите с Шульца все необходимое и распределите по совести, если не по совести, то вы мечтать будете о том, что я сделал с этим куском дерьма! Вы меня поняли суки!?! – Горбуна уже трясло от злости, он уже шипел и брызгал слюной

– Так точно, господин Капитан! – немедленно отозвались бойцы.

Вот так вот устроен мир в голове психа. Только что без суда и следствия грохнуть своего друга и отдать его вещи другим.

Смотря на спокойно стоящего Горбуна, я начал, наконец, понимать на своей шкуре, почему его бояться даже главари его клана. Повернув голову, я осмотрел своих коллег. Все лежали рядышком, за исключением Черчилля, который пока

еще был погребен под тушей Шульца, которую только начали стаскивать с него хлопчики Горбуна. Горбун же спокойно и молча курил, пристально глядя на моих новых знакомых.

– Сморю я на них Жнец, и знаешь, что думаю? – не отрывая взгляда от девушки, тихо произнес самый опасный психопат на близлежащий материк.

– Боюсь представить если честно. – Честно и деловито ответил я. Нет, шанса убежать я пока не вижу. Может быть, его видит Алекс или Демьян?

Нет. Горбун точно знал, как играть со мной в игрушки. Меня, и моих преданных и близких друзей скрутили настолько, что при всем нашем желании, мы могли только говорить и крутить башкой. А вот кто меня приятно удивил, так это Сектор. Этот маленький проныра, незаметно для всех выкручивал свои плечевые суставы, интересно, но не вовремя. Так, вон лежит без сознания Ким, Подал матерный голос Черчилль, с которого-таки скинули тушу горе – немца, но тут же заткнулся, получив крепкую затрещину. Металл по ходу тоже был без сознания, потому как лежал, совершенно не двигаясь.

– Какой дебил водит бабу в Зону?

Хоть где то мы с ним схожи.

Горбун присел на одно колено рядом с ней, поднял голову, понюхал прядь волос. Ловким движением запустил ей руку под куртку в район груди, девочка пару раз брыкнулась, но Горбун со всей силы ударил ее кулаком по лицу, и она

стихла. Все, сейчас еще и оргия начнётся. Но не тут – то было, через несколько секунд Горбун извлек на свет божий ее КПК. Умная девка, ничего не скажешь, только псих оказался поумнее. А знаете, в чем главная проблема психов? Они не предсказуемы! Вот допустим сейчас Горбун что – то считывает, может интересное, а может быть и нет, но этого, не узнать ни за что, и никогда. Потом он опять посмотрел бабенке меж грудей, и удовлетворенно хмыкнул.

Ну и психам ничего человеческого не чуждо.

– Какое дебильно погоняло. Ватка, нет, ну ты прикинь? – Горбун снова посмотрел на меня своими пустыми глазами полными от безумства. Весьма интересное сочетание в взгляде на мой взгляд.

После моего утвердительного кивка головой, психопат расплылся в улыбке, и резко встав, начал командовать. Из его коротких и четких приказов было понятно, что нас поднимают на ноги, я иду первым по тропе в сторону базы Кубы, где нас и предадут СВЛ.

– Надеюсь, дорогу то помнишь дорогуша? – Бросил мне в спину командир Карателей, утвердительно ткнув стволом между лопаток.

Помню, естественно к сожалению. Эту дорогу знает каждый Путник. Путь к бывшему военному полигону, в которых обосновались анархисты, пролегал через небольшой подлесок, если идти отсюда. Но безопасней было бы идти через лес, там, в случае чего, и спрятаться можно.

Алекс уверенно шлепал рядом со мной, а остальных членов группы наверно держат посередке. Шаг влево – вправо, ну и так далее.

– Да, – нарушил мои маленькие размышления мой брат по оружию, – Давненько мы в такой заднице не оказывались.

– Бывало и хуже.

– Никто ж не спорит, но из этой ситуации, мне бы тоже выкарабкаться хотелось.

– Да ладно? – Я состроил гримасу глубочайшего изумления.

– Пошел ты! Я тебе о серьезном, – он перешел на шепот, – есть план.

Я бросил взгляд через плечо. Горбун шел молча, сверля мой затылок сзади, ему определенно не нравилось, что я о чем то шушукаюсь с Алом. Но он так же и понимал, что безоружный и на хорошо простреливаемой дистанции я, никак не могу причинить ему неудобства. Поэтому пока наш конвой еще позволял нам с Алексом говорить тет-а-тет, мы собственно этим и занимались. В общем, послав Горбуну воздушный поцелуй и подмигнув, на что он никак не отреагировал, я отвернулся и стал слушать Ала.

– Сто процентов мы идем к лесу. Вот прямо пятой точкой чую. Смотри, ты наверно заметил, что наш коротышка себе руки гнет. На этом можем и сыграть, – он обернулся, и продолжил, – в лесу много дряни под опавшей кроной, какой ни будь молодой из Горбунских навернётся. Инфа сот-

ка, потом поведем их к разлому, ну что у нашего пенька, Горбун и ухом не поведет, около дороги же, а там как раз, сам помнишь, и электрика вся вырубается. Там я подговорю Сектора, что когда я или ты отвлечем внимание этих кренделей, что бы тихонечко взял стволы и расстрелял их курам на смех! План – фигня, полностью согласен, но во – первых: с ними разговора не сострять, поэтому надо валить, а во вторых: что нам еще остаётся? —

При всех вариантах, которые я прокрутил у себя в голове, этот казался самым приемлемым.

– Как ты подговоришь крюка? —

– Обижает, уже сделано, когда рядышком лежали, я ему это все выдал, он сигнала ждать будет. Оставалось только с тобой согласовать.

– Я отвлеку внимание у пня. Дальше действуйте сами.

– Понял, пока не выеживаться?

– Нет, лишние проблемы не к чему.

– Ох, я чувствую, веселая у нас ночка будет.

– И не говори.

Тут Алекс ухнул, и припал на колено, обернувшись, я, увидел Горбуна, который подбрасывал очередной камушек, что бы запулить еще раз. Своими связанными руками я помог Алексу встать, вот честное слово, если бы не путы, Алекс уже бы пропихивал ему этот камешек через важное заднее кольцо.

Однако мы были связаны, и на прицеле у моего заклято-

го, а я считаю его таковым, врага. Который по дороге кидал поочередно в нас камни.

Я шел молча по сырому от дождя асфальту. Рядом с дорогой еще продолжали бегать струйки дождевой воды, сырая пожелтевшая трава как будто набралась силы и решила хоть и ненадолго, но показать, какой она может быть сильной и красивой в это время года. Красиво. Нет, природа, она все – таки и в Пятом Секторе природа. Даже серые тучи ненадолго отступили, и свет от далекой звезды по имени Солнце освятил весь участок подлеска, к которому мы приближались. Я наслаждался тишиной и гармонией, пускай и связанный, но и свободой.

Как бы это не прозвучало удивительно, но никто мне не мешал.

Под ногами захлопало, почва, впитывающая в себя многодневные дожди, давала о себе знать, мы уже давно свернули с асфальтированной дороги и наконец, вышли на небольшое поле около проклятого радиоактивного леса. И все бы ничего, если бы я не почувствовал странное ощущение в висках, какое уже не испытывал много лет.

Я встал как вкопанный. Своей бродяжнической интуиции я привык доверять капитально. Это странное ощущение не спутать ни с чем, разве что с головной болью, но и то маловероятно.

Мозг начал работать в экстренном режиме, вспоминая на какое зверье или аномалии может отзываться эта чертова

пульсирующая слабым толчками боль в висках. Прощупав про себя свой организм, никаких иных признаков я не обнаружил, проклятье! Надо вспоминать, надо вспоминать...

Я обернулся, группа по приказу коротышки – карателя встала, Горбун знал, что я что то почувствовал, и сам, скорее всего, думал, что же.

Его хлопчики потихоньку взялись за стволы, Горбун их не останавливал, мало ли что.

Подул легкий ветерок, я вновь развернулся.

Ах, вот оно что.

– Нужен крюк.

Хоть я и смотрел прямо перед собой, я точно знал, что все каратели обалдели от такой наглости. Все, кроме Горбуна.

А что? Думал, я не знаю про священные правила Суда? Если опытный путник, которого взяли в плен, что бы отдался на суд СВЛ. Ведет группу практически на свою казнь, то он имеет право на правило одного замка. Тупое правило, но так гласит кодекс группировки Кубы, к которой мы, по не счастливой случайности топаем.

Правило одного замка, это право воспользоваться одним крючком из группы ведущего, в нашем случае – Горбуна, как минным тралом. В любом случае, погибнет крюк или нет, эта смерть все равно не учитывается, а идет даже в плюс к СВЛ, так как пожертвовав одним, пленный спасает всю группу.

– Не охренел, кирпич? – Грубо поинтересовался у меня один из команды карателей.

Естественно, Горбун выбрал его.

– Сомкни уста с обратной стороны, Голубь. Двигай куда скажет подсудимый. Так гласит закон.

– Босс, при всем уважении, я не буду ходить под какой-то Иерихонской шавкой!

– Если я скажу, – бросил на него взгляд Горбун, – ты ракшасу минет сделаешь извращенных позах. А теперь, – он передернул затвор своего «калаша», – топай, куда тебе сказал этот чертов бродяга!

Голубь стих и онемел. Он быстро подбежал ко мне, смачно сплюнул на мой ботинок, и, шмыгнув носом, спросил, дескать, куда идти.

Я, таким же смачным плевком ему в рожу, сказал, дескать, прямо, метров восемь. И Голубь, треснув мне с улыбкой в челюсть, развернулся и пошел по прямой. Ровно восемь метров.

Как говорят люди, которые играют в компьютерные игры, минус один.

Голубь прошел ровно восемь метров, и занеся ногу на полушаге, встал. Как же хорошо, вовремя, самое главное, вспомнить и увидеть старые, редкие, а значит и самые опасные аномалии, подумал я, вставая с колена с ухмылкой. Видимо эпицентр аномалии прямо перед Голубем. Ну, ныне покойным.

Пока все смотрели в спину, как они думали, живому крючку, я крутил башкой, как попугай, пытаюсь понять, с ка-

кой стороны еще такие аномалии, поскольку прямо в цент аномального поля такого типа, мы попасть не могли.

Эта аномалия называется Пиза, ребятки. Да, Пиза, это культурно сказать пизец. У бродяжнического юмора, я вообще считаю, нет границ. Эта аномалия абсолютно не видима, неслышимая, и унюхать ее нереально. А заметить ее можно, только по тоненькому пульсированию в висках, и по ветру. Трава, которая стоит, как стояла при ветре, это и есть признак Пизы. Ветер опять посетил наше поле, и я смог увидеть по правую сторону от нас абсолютный штиль, значит, идем прямо по краю, это хорошо. Работает эта аномалия просто. Если в нее попадает любое живое существо, на не живое она вообще никак не реагирует, поэтому болтами ее нереально отметить. Так вот, если в нее попадает любое живое существо, в нашем случае путник Голубь, то целый скелет живого существа, вырывается навстречу земле, а вся остальная органическая часть, остаётся стоять на месте, как будто ничего не произошло. Поскольку обычно пустые тела обычно стоят под наклоном, путники назвали ее Пиза, а по иронии судьбы, бродяга первый, попавший в нее, ходил под кличкой Итальянец. Вот, как то и повелось теперь. Но продолжим, после попадания в ловушку, сама аномалия исчезает, оставляя после себя вот такой неприятный памятник, но есть шанс влететь в такую же рядом. Потому что, на сколько я помню, эти аномалии генерируются раз в несколько лет, обычно на поле, и в огромном количестве. Так что знайте, если вы нашли Пи-

зу, значит ее много, и значит во всей Зоне, больше Пиз нет.

Я молча пошел в обход по широкой дуге.

– Он мертв, идем дальше.

И мы, молча пошли. Группа карателей и пленные за моей спиной разглядывали памятник Пизе, из Голубя.

Вырванные куски мяса теперь торчали в разные стороны, слабо колышась на ветру. Вместо головы, был черный зияющий провал в голове, в принципе, так же как и по телу, один сплошной провал. Аминь, амиго.

Через несколько минут мы были уже в лесу. И как у моего любимого юмориста, в Зоне, наконец, смеркалось. Алекс снова шел около меня, и спрашивал, через, сколько мы будем около пня.

– Если побыстрее, то минут через сорок.

– Отлично, пойду к Сектору, я видел, как он уже наручники сам придерживает.

– Жалко, что мы с тобой в цепях, верно Ал?

– А ты не лыбся, и лучше думай, как психованного отвлечь.

– Я знаю, как.

– Тем паче, я пошел.

С этими словами он развернулся к одному из надсмотрщиков и сказал, что у дедушки шнурки развязались, и было бы неплохо, если бы салага их ему завязал. Получив за такие грубые речи пару пенделей, Алекс, как гребанный Гудини, очутился рядом с Сектором, уже нашептывая план побе-

га. И вот, когда в нескольких ста метрах я увидел огромный выкорчеванный пенёк, Горбун громко распорядился:

– Жнец, стой на месте, ребятаки, – он окинул всех доброй и чистой улыбкой, – ночуем здесь.

Я краем глаза посмотрел на Ала с крючком, те стояли с досадными мордами, Алекс даже щеки надул от расстройства, но одобрительно мне подмигнув, стал садиться на мох около большой елки.

Горбун точно хотел оказаться в этом месте, небольшой десятиметровый пятачок пространства, в центре которого его хлопчики уже скидывали сухой хворост, который носили в своих рюкзаках, что бы быстрее развести огонь. Елки образовывали, что то наподобие зала из колонн, поэтому создавалось ощущение, что мы сидим в какой-то темной комнате, потому что лесная крона деревьев наглухо закрывала обзор на небо. Так же как и закрывала сигналы КПК.

– Мертвая зона, да Жнец? – Коротко поинтересовался у меня Горбун, но так и не получив ответа, начал отдавать приказы. Я почувствовал, как те, которых Горбун назвал Шайгой и Валерой, взяли меня под белые ручки и посадили около одной из симметрично стоявших елок. Так же посадили всех пленных, всех кроме меня и Ала – попарно. Алекса посадили напротив меня, ровно через десять метров. Я видел только капюшон его бродяжнической куртки из – за уже разгоревшегося костра, Демьяна с Кимом посадили слева от Алекса, тоже в паре метров. Сектора, нашего воз-

можного спасителя, посадили рядом с Черчиллем, который крыл матом одного из бойцов Кубы, за то, что тот прикарманил его автомат. Ватку и Металла бросили в единственное незанятое место, в паре метров около меня. Металла видимо хорошо приложили по голове, поскольку он лежал неподвижно, как и тогда в коллекторе, но почему то я был уверен, что он уже бодрствует.

Оставшиеся члены карателей рассредоточились каждый по своим объектам охраны, то есть над нами. Горбун сел лично передо мной. Складывалось такое ощущение, что эти бойцы уже не в первый раз в этом месте держат группу пленных, уж больно слаженно у них все выходило.

– От тебя не пахнет страхом. – Произнес Горбун, закуривая очередную сигаретку.

– Прикурить не дашь, мелочь? – Ответил я на его достаточно странную рода речь.

Горбун по – детски и наивно улыбнулся, встал со пня, аккуратно вставил мне в зубы сигарету и подкурил.

– Почему? – Спросил он, возвращаясь на свое место, сидя спиной к костру.

– Почему не страшно? Или не пахнет?

– И то и то, выбирай что тебе угодней.

– А смысл бояться психов? – Я устроился поудобней, насколько мне позволяли мои оковы, – Я и похуже в ситуациях бывал.

– Очень сомневаюсь.

– Отчасти согласен, если говорить прямо, мы в жопе. – Выпустив наконец часть дыма, отравляющие мои легкие, я продолжил, – Ситуация скажем так, не ахти. Но я верю в лучшее, считай, что я оптимист, Горбушка. Это как у Пушкина, ну знаешь, спокойно Маша, я Дубровский! – Я широко улыбнулся как придурок, не доставляя возможности Горбуну, упиваться чувством победы.

– Там печально все закончилось, – сказал Горбун, поставляя руку под подбородок, и видя мое непонимающее лицо, продолжил, – Ну, в Дубровском то.

– Откуда нам знать? – Глядя в небо, по – философски сказал я, – Может быть Владимир Андреевич и завалил, в конце концов, старого женишка, естественно втайне от возлюбленной? Может и Троекурова как то убедил в своих намерениях и наконец наступил хеппи энд?

– Человек остаётся человеком Жнец, тебе ли не знать. Может быть, великий классик и оставил все на фантазию потомков, но человек, остаётся человеком. Подлость и жадность все равно переселят, все мы звери, хоть мы и путники, грызущие друг друга на проклятой земле, но мы как никто другой на большой земле близки к тайне мироздания, поскольку мы знаем цену жизни, и то, как порой легко ее отобрать.

– Не слишком ли глубокая мысль для психа, – я выплюнул дотлевшую сигарету, – который завалил своего товарища?

– Об этом я и говорю. А Шульц был глуп и слишком алчен. Единственное, почему он помогал мне в твоих поисках, это

страх передо мной и обида за сорванный куш.

– А ты? – Я посмотрел ему прямо в глаза, – как будто ты не можешь мне простить того случая.

– Ты прямо как Шульц! – Горбун мерзко захихикал, – Ты думаешь, я охотился за тобой все эти годы, что бы предъявить тебе счет, за какой-то артефакт, который за эти годы я покрыл с лихвой?

– А, что тогда?

Вот тут я насторожился. Я действительно думал, что все эти годы, Горбун был зол на меня за артефакт, который мог обеспечить спокойную совершенно безбедную старость даже его праправнукам.

– Тебе о чем ни будь, говорит Некрус Сакроментум? – Пододвинувшись ко мне, шепотом произнес Горбун.

– Вообще не о чем.

Горбун посмотрел на меня, слегка наклонив голову, видимо я его разочаровал.

– Это дуэль. Где противники скрестившие клинки, сражаются до того момента, пока один не падет от руки другого, сохранив свою честь. Не смотри на меня так, сейчас поясню. В тот день, я вместе с Шульцем объявил тебе суд, в тот день Зона должна была получить одну жизнь, а взамен должна была наградить. В итоге, все живы, а награда, в качестве твоей вновь обретенной памяти, – он тыкнул меня указательным пальцем в голову, – пришла к тебе. Зона такого не прощает, мой маленький друг. И я приведу Некрус Сакроментум

в исполнение, лично.

Он отодвинулся, оставив меня одного с моими, конкретно испорченными мыслями. Вот получается, почему он грохнул Шульца по моей просьбе. Лично, он хочет лично вернуть Зоне то, что должно быть ее по праву.

Псих.

Нет, я, конечно, это знал, но это уже ни в какие ворота. Эх, мне бы только увидеть Алекса, тогда бы я и начал действовать...

Пока я лениво беседовал с одержимым психопатом, один из бойцов Кубы, приставленный к охране Ватки с Металлом, начал странно оглядываться то на Ватку, то на Горбуна. Горбун, сидя спиной к нему, смотря прямо на меня спросил:

– Ну и чего мнешься?

Я понял, что вопрос адресован не в космос и не мне. Боец, к которому обратился Горбун, тоже опешил, не зная, что и сказать. Но все-таки найдя в себе силы, спросил:

– Командир, тут дело такое... – боец потупился, – они же все равно мертвяки? Ну и я просто подумал, чего бы девчонку не осчастливить на последок разок другой? —

Я и Горбун одновременно посмотрели на него. Боец стоял, улыбался и чесал затылок. Горбун встал со своего места и медленно подошел к бойцу, взял его своей ладонью сзади за шею, и резко наклонив к себе начал, что то говорить на ухо. Лицо бойца, которое теперь виднелось мне еще лучше, сперва нахмурилось, потом проскочила улыбка, потом

боец часто закивал, а в конце побледнел от ужаса, как будто Горбун ему рассказал, что он сам его сейчас осчастливит, улыбнувшись, развернулся на месте, и взяв Ватку за волосы, начал оттаскивать ее в кусты, которые находились прямо за елкой, к которой была опущена девушка с горе – путником.

Горбун развернулся ко мне, я смерил его ровным взглядом, что ж, так бывает, ну повизжит девка, поревет, постонет, получит пару ударов от садиста, который тащит ее, кричащую и вырывающуюся прямо в кусты. Зато все живы и здоровы. Пока что.

Неожиданно для меня, и для садиста – насильника очнулся Металл. Он широко открыл, уже нормально открывающиеся глаза и короткой подсечкой повалил бойца Кубы, вдогонку засветив ему каблуком берца прямо в затылок, когда тот упал. Горбун жестом остановил подбежавших охранников, и стал наблюдать за этой возней. Ватка, уже пришедшая в себя, помогала Металлу насмерть забивать человека, который чуть не овладел ей. Однако не у Металла, не у Ватки не было свободных рук и удобного положения, поэтому били слабо, но в свою очередь метко. Металл как припадочный бил одной ногой сверху прямо в голову, где уже виднелась кровь, а Ватка работала коленями по паху, да так яростно, что у меня самого Жнец – младший сжался и пожелал забраться внутрь.

Тут, даже неожиданно для меня Горбун двумя коротки-

ми прыжками добрался до взбунтовавшихся пленников, одним коротким ударом своего ТТ ударил Ватку по затылку, а на замершего Металла направил ствол, и медленно придвигал его к худощавой голове путника – защитника. Я попытался окликнуть Горбуна, но тот не реагировал, тот лишь все ближе подносил пистолет, без каких-либо выражений эмоций на лице. Металл уже уперся головой в ствол старой ели, пытался отвести голову, но Горбун коротким движением вставил пистолет в рот молодому пунику и быстро взвел курок. Глаза Металла широко открылись, я даже отсюда слышал, как он дышит. Горбун приблизился еще ближе и присел на одно колено. Наклонив голову, Горбун перехватил пистолет в другую руку, а свободной, вытащил из за пояса нож. Надо же, на пояс стал его вещать, хоть чему то научился. И все такими же короткими и быстрыми движениями отрезал с головы бродяги прядь волос, воткнул ножик в землю, мягко поймал падающую прядь, и резко поднес ее к носу, жадно понюхал.

Метал сидел в ужасе, и... Стоп, но не смотрит на Горбуна. Он смотрит за его спину, я резко повернул голову, туда где сидели Ким и Демин. Что же страшного, ну сидят они, смотрят на Металла с Горбуном, одни, ничего им не угрожает.

Минуточку. А где их охранник? Я осмотрел все, что позволяло мне видеть мое зрение. Все смотрели на Горбуна подле молодого путника, и охрана тоже, за исключением охранника, который был возле командира и моего брата по ору-

жую. Ну и охранника, который в ауте. Я посмотрел на Алекса, на его охранника, благо дело он стоял за сидячим Алом, и мне было его хорошо видно. Вдруг, сзади бойца Кубы, который охранял Ала, вспыхнули два красных огонька, как будто кто то синхронно зажег две сигареты на расстоянии где то десяти сантиметров друг от друга. В ту же секунду, я увидел, как две огромные ручищи тихо появились в свете костра, одна на уровне шеи бойца, вторая, с другой стороны, на уровне плеча. Кто – то стоял сзади бойца Кубы, и кто – то сейчас его убьет. Я ожидал, что неизвестный свернет ему шею, но вместо этого произошло нечто странное. Рука, которая была около шеи, быстро легла на нос, рот и шею карателя, а вторая крепко взяв его под подмышку, и резко и беззвучно, молодой боец карательного отряда Кубы канул во тьму.

Все это произошло так быстро и оперативно, что мысль, которая заставила меня ужаснуться, не дала мне покоя.

Хоть захват, в котором утонул бедный паренек, был профессиональным, но он был сделан не человеком, в чем я еще раз убедился, переведя взгляд на охранника Черчилля с Сектором. Два огонька, руки, захват, резкий толчок, минус один. Нет, действовал человек, слишком тихо аккуратно и профессионально, черт, как же это странно.

Горбун не перестал меня удивлять, резко вытащив пистолет изо рта Металла, он выпустил целую обойму в то место, где стоял охранник. Неожиданно включился мой КПК

и снова затих, я почувствовал это по слабому жужжанию, Горбун не отобрал наши КПК, ведь со связанными руками нам бы все равно нечего было там ловить. Теперь все мы смотрели в то место, где несколько секунд назад стоял один из Кубинцев. Горбун глянул на свой КПК, и резко метнулся в кусты. Металл сидел неподвижно, остальные оставшиеся охранники теперь смотрели стволами в кусты, в которых скрылся Горбун, один из охранников, переглянулся с другим и бросился в кусты, оставшийся охранник встал спиной ко мне около костра. Краем глаза я отметил, что Металл тянется за ножиком, не спуская взгляда с темноты, что же ты там увидел бродяга? Так или иначе, это был мой шанс на спасение, и я не собирался его упускать. Я привстал на одно колено, нужно лишь теперь только правильно прыгнуть и толкнуть Кубинца на Алекса, тот уж придумает, чего ни будь. Все или ничего, нужно прыгать раз, два...

Перед тем, как отсчитать три, я увидел, как странно начал пылать огонь. Я теперь видел, как огонь, будто в банке, как будто я смотрел на него через какое-то стекло. Нет, это не могла быть аномалия, но черт его знает, я знаю одно, хорошо, что я все-таки не прыгнул. Пот на моем лбу предательски капал в глаза, я терпел, не моргал, и ждал. «Банка», через которую я смотрел на костер, немного колыхнулась, проскользнув крошечной синей искоркой. Аномалия? Мышеловка? Не может быть, они так не появляются, а если и так – то сразу после выброса, а может быть и во время,

в любом случае, волосы на загривке у меня зашевелились, а тело сковало странное чувство тревоги. Я посмотрел чуть ниже костра, и ужаснулся. Прямо передо мной, а точнее перед костром, были следы. И я знал, кому они принадлежат.

Из следов, точно по волшебству, сперва появились перетянутые жгутами сухих мутированных мышц ноги, потом уродливый зад, широкая, могучая, скованная одними лишь мышцами спина невидимого чудовища. Две огромные, мускулистые, когтистые лапы, которые он как будто стеснительно прижимал к бокам, и наконец, лысая, огромная голова этого монстра, который стоял сзади потенциальной жертвы.

Побратим мутанта, которого я убил косою в первые дни в Зоне. Ракшас. Только этот выглядел иначе.

Точно почувствовав, что я думаю о нем, мутант повернул бок голову, и посмотрел на меня своим одним красным глазом, и, продемонстрировав свои уродливые щупальца присоски, которые походили на бородавку. Вновь отвернулся, и уже отработанным движением, протянул две руки к парню, и одной ловко свернул ему шею, а второй, прижав его к своему телу, одним мощнейшим прыжком отпрыгнул назад вместе с телом, назад в чашу, и снова все стихло.

ракшас, ловко дезориентировал Горбуна, устранил уже троих Кубинцев, и скоро догонит и по – тихому уничтожит остальных. А затем придёт и к нам!

Дальше медлить было нельзя, в несколько длинных скач-

ков, я был уже у Алекса, Сектор все понял и уже без наручников, начал помогать, остальным подниматься и попутно освобождая одного за другим. Металл при помощи ножа, оставленного Горбуном, освободился сам, он был единственный с Черчиллем, кто были связаны путами, и уже поставил на ноги Ватку. Со стороны кустов раздалась стрельба, я кинулся к нашим вещам и оружию, но, не добежав полуметра, врезался в невидимую стену.

Клянусь богом, мне врезали. Причем хорошо так. Отлетев на несколько метров, я увидел вновь появившегося мутанта, он сжимал правый кулак, которым отправил меня в дальний, но не продолжительный полет. Он смотрел на нас, матерый, это я понял сразу. Количество шрамов, и рубцов которые украшали его тело, было не сосчитать. В свете костра, я разглядел его цвет кожи, когда меня на ноги поднимали Демьян с Кимом. Серый. Это очень плохо. Первые ракшасы были такими, но если они походили на скукоженных стариков, то перед нами стоял великолепно сложенный мутант с кубиками пресса. Странно, но стрельба из кустов не прекращалась, интересно, они между собой воевать стали, или мутант здесь не один?

Тем не менее, стрельба не прекращалась, а Ракшас стоял перед нами. Огромный монстр, сделал маленький шаг к нам и растворился, оставив после себя маленькие синие молнии. Насколько я помню, ракшасы так не умеют, но от матерых тварей, можно ожидать чего угодно.

Вдруг я почувствовал, как я взлетаю в воздух, меня рывком поднял с земли невидимый мутант, и когда я уже орал благим матом, случилось чудо.

Молчаливый и хитрый Металл, все это время прятал при себе самовыдвигающееся лезвие. Небольшой клинок, который был у него в карман. Который можно было спутать с зажигалкой, и который он ловко метнул в руку чудовища. Ракшас появился, трата энергии на режим невидимости у него огромная, и, кинув меня в близлежащие сухие кусты можжевельника, вновь растворился во тьме Зоны.

Благо дело, эти кусты уже были совсем близко к нашим вещам, но по мере приближения к ним, во мне гасла надежда на успех спасения. Ныне покойные хлопчики Горбуна сильно рисковали, но все-таки сделали это. Они полностью разобрали наше оружие, по составляющим. Теперь, лежа в нескольких сантиметрах от дула своего бывшего автомата, я искал свой мачете. Нашел я его, как всегда, архиточно. Я почувствовал, как лапа чудовища сомкнулась на моей ноге, и все-таки выкинув треклятые ножны, самым мощным ударом, который я когда – либо делал, пускай не до конца, но все – таки отсек кисть чудовищу. Ракшас взревел, да так, что заложило уши, раскидал ногами костер.

Вот оно. Как я долго тебя ждал.

Шанс выжить – два процента, попытка попасть мутанту в пульсирующий розовый висок – сорок процентов, шанс гибели – пятьдесят восемь процентов.

Машина включилась.

Давно пора.

Перебросив нож в другую руку, и сменив позицию ножа на манер кинжала, я начал приближаться, к пытавшемуся выбраться из костра и уйти в невидимость мутанту. Гуманоид стоял на раскаленных углях, в нос ударил жареный запах гниющей плоти. Наши глаза с чудовищем встретились. Он атаковал меня целой рукой, я, пригнувшись, ловко пропустил ее над головой, коротким выпадом целюсь в висок, в этот момент ракшас отклоняет уродливую голову назад, и вместо желанного виска, я отсекаю ему два правых щупальца. Опираюсь рукой о его плечо, делаю вольт, фиксирую его плечо мачете. Рев чудовища рвет мои барабанные перепонки, мы вдвоем сцепились, топчемся на месте, поднимая в воздух горящие угольки и пепел от костра, в крошечной тьме изредка освещаемой снизу костром, мелькают его глаза, уродливая продолговатая морда. Я отпускаю клинок, проскакиваю с правой, кровоточащей из плеча стороны мутанта, оказавшись за спиной ракшаса, одной рукой хватаю его за оторванную кисть, распарывая свою ладонь об острые когти чудовища, другой рукой хватаю нож и веду к шее монстра. Матерый мутант, видевший, скорее всего не мало драк, сделал самое логичное и не вероятное. Он ударил меня головой в нос. Я отшатнулся, выдернув свой мачете из мутированной плоти. Ростом мы были почти одинакового, но я понимал, что эта тварь сильнее меня в разы. ракшас крутанулся

на месте, резво кинулся на меня. Из носа хлестала кровиха, голова у мутанта крепкая, все же видя несущуюся на меня тварь, я совершил непроизвольный выпад вперед. И клянусь вам, ракшас остановился, подождал пока смертоносная белая полоска пройдет мимо и вытянув свою целую руку, вытянул и сложил пальцы на манер ладошки, и полоснул меня по плечу, я заорал, поняв, что если я сейчас упаду, то проиграю, я подогнул ноги и зайдя на узкий круг, крутанулся на месте и полоснул ракшаса по животу, монстр отпрянул, я пошёл на второй круг, второй удар пришёлся монстру по груди, идя на третий круг вокруг своей оси я подпрыгнул и в полете сверху – вниз попытался вогнать нож прямо в голову чудовища, однако, ракшас немного отошел и удар приелся ровно на солнечное сплетение, я попытался повернуть мачете, так как понимал, что если убивать ракшаса то только окончательно, и тут то и сработал закон подлости. Я чувствую, как моя опора, в виде ручки от мачете падает вместе со мной после глухого щелчка внутри чудовища. Мой мачете, который спасал меня много раз, приказал мне долго жить. Лежа в грязи с ручкой от мачете в руках, я лишь надеялся, что убил мутанта. Однако он продолжал стоять, а я в грязи. Ракшас начал припадать на колено, он так же смотрел мне в глаза, и своей ладошкой – бритвой немного промахивается и втыкает ее в землю. Я, сгруппировавшись, ударяю с двух ног мутанта по голове, он не пошатнулся, а я оказываюсь около оцепеневших ребят, которые не могут пошевелиться

от страха. Ракшас вытягивает уже почти сросшуюся кисть ко мне. Я закрываю глаза. Один из слуг ада, явился лично, что бы забрать свое, вернуть честь дуэли Некрус Сакроментум. Я умру, и больше ничего.

Я открыл глаза, когда почувствовал, что что – то теплое, помимо моей собственной крови брызжет мне в лицо. От крови все потемнело в глазах, я лишь увидел, как спиной ко мне стоит какой – то бродяга в плаще и поливает убегающего мутанта свинцом из винтореза. Неизвестный бродяга кинулся вслед за ракшасом. Битва закончена, я жив.

– Что это нахрен было?! – Срываясь на визг заорал Демьян, когда Сектор с Алексом поднимали меня на ноги.

Выкинув бесполезную рукоятку в сторону, и вытершись о протянутую Черчиллем тряпицу, я сказал:

– Самому бы хотелось узнать.

– Мужик, ты с ракшасом только что поножовщину устроил! – Не успокаивался мой на половину татарский коллега.

– Демьян, заткнись и сними с трупа ствол, – я посмотрел на единственное лежавшее тело Кубинца, – займи оборону, дай в себя прийти.

Демьян поправил свое камуфлированное кепи, резко подскочил к трупу, взял Абакан, оставленный от бывшего карателя, дослал патрон, и присев на колено, начал целиться в кусты. Воцарилась тишина, которую нарушал лишь я своим сбивчивым дыханием.

Тишина. Стоп, а почему не стреляет Горбун, неужели этот

бродяга, который спас нас от мутанта, завалил Горбуна с его шавкой? Что – то тут не чисто. Я, наконец – то нормально смог стоять. И теперь, как и все, стоял около старой елки, и смотрел в сторону кустов, ждал, кто появиться, ракшас, который стопроцентно положит нас всех, или бродяга, который объяснит, что тут на хрен происходит.

Или же положит нас всех к праотцам.

Путник, который спас нас от мутанта видимо тоже наблюдал за всей этой картиной, может быть, он так же знает, что случилось с Горбуном. Если конечно он их сам не завалил. Странно черт его дери.

Я отдышался, и тихонько взял из рук Демьяна автомат. Мой коллега ловко оказался за моей спиной, и теперь, как и остальные безоружные ждал своей участи. Через коллиматорный прицел я смотрел в кусты, пытаюсь хоть на секунду раньше опередить ракшаса. Когда до меня, наконец, дошло, что я смотрю через прицел, который напрямую работает от электричества, я посмотрел на свой наладонник. Он работал, в штатном режиме, показывал нас, в нескольких метрах от Шокера, электрической аномалии, и два биологических объекта, один за нашими спинами, другой впереди. Почему включился КПК в мертвой зоне? Странно все это, но пока есть супчик поинтереснее. Наконец налюбовавшись дисплеем своего девайса, я вновь посмотрел в прицел. И сразу же наткнулся на дуло «Винтаря».

Высокий худощавый путник, одетый то ли в кожаный

плащ, то ли в пальто с капюшоном. Со странным, но судя по всему удобным разгрузочным жилетом, под которым угадывались контуры сочлененного графитового бронежилета, с лёгкой и прочной титановой веревкой, которая была опоясана от плеча, через тело до бедра, медленно, не сводя с меня прицела, шел к нам на встречу.

– Здоровячек, пушку то спрячь, я ж вас только что спас. – Проговорил незнакомец спокойным голосом.

Ага, разгрузочный жилет Кубы, стандартный жилет для бойцов враждующей с нами группировки. Ясненько.

– За спасение спасибо, а вот пушку не уберу, сам, поди, знаешь, – я поправил Абакан, – при нынешней политической ситуации, стволы убирать, когда в тебя целятся, не хорошая примета.

– Ракшас скрылся, быть может в два ствола безопасней будет? – И с этими словами незнакомец опустил ствол.

– Что с Горбуном?

– Поди, сам посмотри, интересно будет.

– А не обманываешь?

– Боже упаси.

Я опустил свое оружие. Этот крендель не из Кубы, матерый бродяга, одиночка. Больно разношерстная у него экипировка. Пока я осматривал нашего спасителя, незнакомец приблизился и протянул руку.

– Дюшес. – Коротко и сухо констатировал призрак из прошлого.

Алекс и Демьян заметно напряглись, я застыл в нерешительности. Какова вероятность? Может ли быть что мой брат жив, здоров, и только что спас меня от смерти? Единственно верное решение пришло само собой. Я рывком сдернул с него капюшон, и узнал своего старого друга.

Мой брат стоял в полном недоумении, особенно тогда, когда я крепко его обнял, и, положив ему руки на плечи, которые просто утопали в моих медвежьих, лапах произнес:

– Ну а я Жнец.

Дюшес изменился в лице. По нему было видно, что в голове у него происходила серьезная мыслительная деятельность. Господи, неужели и он потерял память.

– Этого... не может быть. Я видел, как ты погиб! Как ты погиб спасая меня! Тогда на Всполье!

Пух! Мою память как будто долго держали запертой в неведении, и резко открыли ей дверь. Вспомнились лабиринты катакомб, взрывы, завал, крот. Все это пронеслось на такой скорости, что было трудно уцепиться за какую-либо мысль. Вот, я бегу вместе с Дюшесом по длинному коридору, он прихрамывает, я поддерживаю его под руку, оборачиваюсь назад, смотрю в огонь, который поднимается как будто из глубин преисподней, освещая нам дорогу, смотрю прямо, вижу вентиляционную шахту, недолго думая кидаю туда своего напарника, а меня самого заживо погребает бетонный свод потолка. И единственное что я слышу перед отключением сознания, это протяжный крик моего брата.

– Жнеееееец!

Глава 6

Некрус Сакроментум

– Жнец! Очнись, твою мать! Жнец!

Открыв глаза, я вижу перед собой лицо Алекса, потом ощутимые хлопки по щекам и отрезвляющий сознание запах нашатыря.

Я отшатнулся, резко придя в себя, рядом на колени опустился Ал, помог подняться. Ужасно болела голова. Я начал искать глазами Дюшеса, который уже деловито разжег маленький костерок, из углей, оставленных нашей схваткой с ракшасом. Алекс посадил меня около костра, сел рядом, Дюшес сел напротив. Остальные тоже стали подтягиваться, Демьян на ходу уже разливал по пластиковым стаканчикам живительную водочку. Глядя на лежавшего на боку Черчилля, который нарезал колбасу на бутерброды и вскрывал тушенку, я посмотрел на Алекса, который, в отличие от нашего Кима, взял на себя руководство группы. И сказал:

– Спасибо Ал.

Тот лишь отмахнулся, и подбросил сухого хвороста в огонь.

– Думаю обменяться последними новостями? – спросил я Дюшеса, глядя в огонь.

Дюшес посмотрел на меня и хмыкнул, потом он сообщил вкратце, что все уже узнал от моих коллег по оружию. А дальше начал рассказ о том, как он тогда выжил, вернулся на большую землю, но прежняя жизнь, от которой он когда то вместе со мной сбежал в Зону, снова стала ему не выноσι-ма, и что он вернулся в Зону и стал вольным агентом КУбы. Не имея никакого отношения с этой группировкой, он продавал им по выгодной цене артефакты, и поставлял нужную информацию о перемещениях «выслеживаемых» групп пут-ников. На вопрос о том, как он оказался здесь, он ответил, что его заинтересовала группа Горбуна, которая перестала выходить на связь несколько часов назад. Он был недалеко и решил проверить.

Стоп. А где собственно Горбун?

– Что? – Спросил у меня Дюшес, подняв голову. Видимо я это ляпнул вслух.

– Горбун, где он?

– А шут его разбери, – вставил Демьян, протягивая мне стакан, – мы не проверяли.

– Сколько я был без сознания?

– Минут пятнадцать, а что?

С этими словами я резко вскочил, взял уцелевший ав-томат и побежал в кусты, откуда недавно велась активная стрельба. Не проверяли они. Идиоты! Надо было сразу же бе-жать и смотреть что случилось, а они, блин, устроили, пони-маешь, пикник на обочине. Спустя несколько секунд справа

от меня бежал бодренький Ким, а сзади бесшумной рысцой бежал Дюшес. Немного сбавив скорость, мы втроем обогнули странствующую молнию, которую мы, бродяги, называем Шокером. Одну из самых распространенных аномалий, в которую если попадешь, то тебя насмерть прошибет несколько тысяч вольт. И спустя порядка двадцати метров, нам предстала следующая картина:

Горбун, стоя на коленях спиной к нам, склонив голову что то неразборчиво бормотал. Мы с Дюшесом ощетинились стволами в разные стороны так синхронно, что любые пловцы обзавидуются. Вокруг Горбуна в разных позах лежали неподвижно семь мертвых тел. Ким осторожно приблизился к потенциально опасному психу, но, не дойдя с метра, встал, жестом призывая нас с Дюшесом подойти. Ступая спецназовской походкой, мы осторожно приблизились, и увидели то, чего не разглядели раньше в свете луны. От шеи до таза Горбуна было все распорото, и, судя по следу когтей, ракшас с которым я дрался, убежал именно в этом направлении. По следам можно было определить, что Горбун со своим крючком, тело которого я увидел неподалеку, отстреливались вот от этих вот бродяг. Видимо Горбун остался один, и, убив всех вокруг, хотел было пойти к нам, то судя по кусту слева от нас, мутант не дал ему этого сделать, а просто наотмашь рубанул Горбуна сзади. Неожиданно Горбун развернулся на месте, целясь в нас своим «калашом», его глаза были закатаны, скорее он просто действовал интуитивно,

и наконец, выбрав цель в виде Кима, спустил курок.

Его автомат отозвался рядом глухих щелчков. Господи Иисусе, сколько же силы в этом маленьком человечешке, что он, с такой серьезной раной может еще функционировать? Дюшес подошел, и медленно взял из рук Горбуна автомат. Надоедливые щелчки смолкли, и Горбун грузно упал лицом вниз, я проверил пульс, тонкий, но есть. На Кима в этот момент было жалко смотреть, я его понимаю, когда в тебя почти выстрелили, тут особо не до смеха. Дюшес достал из кармана своего разгрузочного жилета термическую пенку и запломбировал рану. Пенка моментально вздулась по краям раны и стала похожа на монтажную пену. Я аккуратно взял Горбуна и, толкнув Кима, пошел назад к своей группе.

Когда я показался в свете костра с Горбуном на руках, члены нашего отряда встретили нас с недоумевающими лицами. Я передал тело нашего бывшего палача Черчиллю, и приказал, что бы тот приложил его к дереву, и следил, что бы ни закатился язык. А сам сел молча перед костром, размышляя о том, какой я идиот и нафига я вообще задумал кое – что, от чего у меня самого волосы дыбом.

Алекс, глядя на Горбуна, тихо подсел ко мне.

– Это еще что? – спросил он шепотом.

– А то сам не видишь.

– Это то я вижу, ладно, спрошу покорректней, какого хрена этот псих еще не в аду?

– Нельзя так.

Алекс поднял голову и посмотрел на ночное небо Зоны. В разговор вклинился, немного принявший на грудь Демьян.

– Что значит так нельзя!? Этот припадочный хотел нас грохнуть! Сейчас я его от уха до уха и все! Минус одна проблема со Кубинским биомусором! – С этими словами Демьян высунул из за пояса свой «Шайтан», который видимо нашел в наших вещах, и прямой походкой пошел к Горбуну.

– Я ему должен. – Сухо остановил я разгорячившегося Демьяна.

Демьян встал как вкопанный, Алекс опустил голову.

– Жнец, это очень серьезно, и если ты сейчас шутишь, лучше сразу скажи. – Повернул голову Демьяныч.

– Там шесть мертвых наемников, у них у каждого хорошие стволы. Берите их и валите отсюда. КПК показывает, – я поднял руку, – что сюда идут еще шестеро, нам проблемы не к чему, а я отнесу этого психопата на Лесной Пункт, к Забенскому, и долг аннулирован.

– Я пойду с тобой. – Подал голос, прислонившийся к дереву Дюшес.

– Нет.

– Не понял. – Удивился мой старый, новоиспеченный брат.

– Мы идентичны, помнишь? Дополняем друг друга. Значит, Зону знаем одинаково, брат послушай, я рад, что мы нашлись, но у меня к тебе просьба, ты должен отвести их к нашей заставе в «Промпарк», без тебя, кто ни будь из них

точно дуба даст, а я себе этого не прощу. Прошу, выполни мою просьбу, а я вернусь на заставу попозже.

– Один ты точно не пойдешь, но с тобой я согласен. Эй, парень в капюшоне, как тебя там, Ал? Не составишь компанию моему брату?

– Он же загнется без меня, собака. – Алекс положил мне руку на плечо, – я и сам хотел все то же самое озвучить, но знаешь, что Жнец?

– Что?

– Сам попрешь этого психа.

Воцарилась неловкая тишина. Металл с Ваткой, которые должны вообще по идее находиться, где ни будь еще, но не с нами, с готовностью сказали, что идут с группой Дюшеса, нежели со мной, Алексом и полу-мертвецом. Сектор с Черчиллем только навьючились и закивали, дескать, нам то что? Мы крючки. Демьян с Кимом, как единое целое, ходили вокруг нас кругами, бросали в нас свои мудрые советы, и сокрушенно качали головой. Единственный, кто спокойно ко всему относился, так это наверно Горбун, ему вообще наверно было до фени. А вот Дюшес стоял около своей любимой ели и что – то высматривал в своем КПК. Да причем у него на лице прямым текстом читалось – надо валить! И действительно, после минуты колдовства над бедным стареньким, как и у меня КПК, Дюшес держал речь.

– Надо уходить, на радаре новые красные точки, не бродяжнические КПК, зуб даю, что это вторая партия наемни-

ков, пришли наверно разузнать, что с предыдущей группой стало. Я думаю, столкновение нам ни к чему, обойдем проселком. КПК вырубаем и идем. Ну чего сели мясо? Пошли, пошли, пошли!

Демьян, под четким руководством Дюшеса, руководил тактическим отступлением. И перед тем, как скрыться в кустах можжевельника, в которые меня забросил ракшас, Дюшес подошел, положил мне руку на плечо.

– Доброй дороги брат. Смотри не теряйся больше.

– Скорее ты не пропадай.

– Хах, ладно, слушай, кстати, о Лесном Пункте, там знаешь около старого дома на отшибе трансформаторка?

– Видел, конечно, – продолжил я, понимая, что он мне это не просто так говорит. – А что?

– Зайди в нее, и выкрути третий рубильник справа от двери, там поднимешь доску с проводами, и увидишь ящик с белой краской, помечен как Дб. Запомни, Дб, там два ящика, один с тротилом без пометок, если откроешь, то на воздух взлетишь, Дб понял? Я там парочку твоих вещей сохранил.

– Дб, понял, спасибо брат! – Мы обнялись, и он начал уходить в кусты, и на прощание бросил нам с Алексом, уходящим в другую сторону:

– Удачной охоты, бродяги!

Мы с Алексом уже достаточно далеко отошли от места, где сегодня ночью происходили поистине невиданные вещи. Сначала я был в плену у человека, для которого моя

смерть была приоритетом жизни долгие годы, которого я тащу на Лесной Пункт ученых, что бы его залатали врачи. Уже странно, правда? Потом я сразился в рукопашном бою с одним из самых опасных хищников Зоны и остался жив. Опять же, остался я, жив, благодаря тому, что мой старый друг оказался жив и спас меня, как когда то я спас его. Я не истек от потери крови, потому что мои друзья быстро перевязали меня, пока я был во власти своего разума с воспоминаниями. Нет, определенно это не простая вылазка, как предсказывал мне Вальтер.

Наконец дойдя до первого моего остановочного пункта, спустя четыре часа, петляя между аномалий, и положив, наконец, таки, уже надоевшего мне Горбуна на землю, я достал сигаретку из пачки, которую свистнул у Кима, пока они разбирали себе по стволам наемников, а я возился с нашим барахлом. Ну, ничего, он не обидеться. Втягивая сладкий синий дым свободы, я посмотрел на Ала. К сожалению, его супер навороченную «эмку» разобрали так, что восстановлению она не подлежала. Зато он стал полноправным обладателем «скорпиона» с глушителем и «грозой». Абсолютно бесшумные оружия, в отличие от моего новенького, ну относительно, Абакана. Пока Алекс осматривал придорожную зеленую будку, к которой я повел наш маленький отряд с грузом триста, мне пришла в голову нехорошая мысль.

Закуривая вторую сигарету от бычка, я начал судорожно вспоминать злостное злоключение на глиняном откосе, где «погиб»

Айболит. Та самая группа, стреляла бесшумным оружием, и двигались как военпуть. Неужели эти самые хлопчики оказались теми наемниками? Но тогда какого рожна они нас преследовали? И откуда они вообще могли знать, где я с Кимом поведу группу к дальней заставе?

Круговорот мыслей стал слишком сумбурным. Прорыв периметра, хабанера, генерал, Ким, дальняя заставка, лаборатория, подстава, подстава, подстава! Нет, Ким сам рисковал жизнью в некотором смысле, пытался спасти меня, когда спускались в подвал, да и генерал бы не сделал бы такого. Да и никто не мог предугадать, что нас вообще возьмут в плен. Не мог ведь? Если бы Горбун был в сговоре с наемниками, то он бы не стал их ликвидировать. Тех наемников убил Горбун, без всякой помощи ракшаса, это точно, потому что на телах только пулевые ранения.

Еще этот ракшас, профессиональный киллер блин, который как, оказалось, мог использовать электромагнитный импульс. Вот почему КПК активировался после Горбунских выстрелов по кустам, он видимо попал в мутанта, но поверхностно. И вот почему наши гаджеты заработали, ракшас покинул свои обжитые охотничьи угодья. Слишком много всего, надо пока дух перевести. По моим примеркам, если зайти в Дюшевский тайник, то будем у лагеря ученых, где то к обеду.

Я посмотрел на Восток, где солнце только начинало появляться. До следующей остановки, до моего ориентира ко-

торым являлся старый памятник Ленину около поворота на железнодорожную насыпь еще шесть часов ходу, а там если все пойдет гладко, то до Лесного Пункта со схроном рукой подать. Ну, относительно естественно.

Закончив со своими рассуждениями, я с щелчка выкинул окурок в будку, сходил по нужде, и облепив Горбуна сзади себя руками, я побрел дальше на юг, Алекс же натянул капюшон, вставил соломинку в зубы, и изредка оглядываясь, пошел за мной след в след.

Пока мы шли в сторону лагеря ученых, по хорошо асфальтированной дороге, скрытой в кронах и широких стволов деревьев, мои рассуждения вернулись ко мне. Мне становилось все непонятней эта ситуация с наемниками, слишком много совпадений. Или же, всему виной моя паранойя? Ладно, притащу Горбуна к Забенскому, тогда можно будет, хоть и немного перевести дух. Забенский, мой старый товарищ, естественно не бесплатно, но поможет. Таких старых Александровских скупердяев еще поискать надо, однако, как и любой старый скупердяй, он оправдывает свое имя. Алекс, молчавший где-то час, остановил мои рассуждения, положив мне руку на плечо.

Я остановился. Доверять товарищу, тем боле с таким чувством аномалий как Алекс, я привык. Затем, Алекс медленно обошел меня, и полез в задний карман рюкзака. Наконец, Алекс извлек на свет божий бродяжью святыню – болт. Без болта, и жизнь не та, как говорит наш общий знакомый Во-

рон. Затем, неожиданно даже для меня, Ал, потянулся к аптечке, которая висела у него на плече, и достал маленький кусочек марли. Медленно и аккуратно сделал узелок по всей резьбе, и без замаха кинул болт на несколько метров вперед. Болт беспрепятственно пролетел несколько метров в воздухе, и в прямом смысле этого слова, повис. Марля, которая была привязана к болту, застыла в полете, точно на снимке, а болт теперь начал немного раскачиваться на манер кулона поисковика. Алекс стоял и ждал, пока болт не начнет раскручиваться с такой силой, что можно было бы услышать гул от марли. Затем болт, словно сорвавшийся с цепи, воткнулся по самую головку под прямым углом в асфальт, как будто его загнал туда громоздкий ювелир со строительным молотом.

– Как ты ее засек? – Спросил я, узнав принцип действия знакомой мне аномалии.

– Честно? Хрен ее знает. – Пожал плечами Алекс.

Ну как всегда, Ал, не объяснил, ну ничего, теперь, когда аномалии участились, он должен быть ведущим, так как я с грузом на спине, не смогу определять и концентрироваться на смертоносных ловушках и аномалиях. Идя вслед за Алексом, и обходя опасные участки с полкилометра, мы решили остановиться и перекурить. Наконец деревья на обочине кончились, и нам предстал вид на старую деревню Шаблыкино, где можно было неплохо набрать артефактов. Однако, шумно выдохнув, мы с Алексом двинулись дальше, почувствовав легкий холодок в душе, и злополучную жабу, кото-

рая душила нас, почти до самого лагеря ученых.

Время было почти полдень, когда мы, наконец, достигли памятника мировому вождю пролетариата. Старый памятник, всем своим видом показывал всю тяжесть катастрофы, которая случилась здесь в далеком девяносто первом году. Заросли огромной крапивы и жгуты ржавых проводов крепко обнимали памятник, не давая ему разрушиться от времени. Достаточно жуткий и пугающий указатель на город. Однако, нам нужно было в другую сторону, и долго любоваться этому мемориалу целому городу, у нас не было. Выйдя на железнодорожную насыпь, я уже был готов бросить Горбуна ко всем чертям, поскольку руку, ноги и спина уже молили о пощаде. Конечно, этот безумный крендель весит мало, однако я слишком долго его нес. Однако, моя вера в правое дело резко укрепилась, непроходимые заросли слева от нас расступились и нам предстал прекраснейший вид на Лесной Пункт, когда то, здесь был целый участок леса, но из – за Вспышки, деревья, некогда украшающие это место своими кронами, в прямом смысле вросли вниз, от этого просела почва, и в последствии наполнилось водой, может дело в грунтовых водах, может в подземных реках, но когда детонировала Вспышка, открыв в нашем мире, такую зловещую язву, как Зона. Теперь же, в разных частях, как некоторые Путники называют это место Лесное озеро, угадывались верхушки деревьев, и всплывающее время от времени ртутные пятна. Конечно, я видел, как некоторые бродяги, охо-

тятся за артефактами внутри самого озера в специальных костюмах с аквалангом, но я бы, ни за что не рискнул бы лезть туда, без крайней необходимости. А у самого берега этого озера, уже виднелся белый свод стен и защитных укреплений, бастион ученых, и обитель военпутов.

Так, с Лагерем все ясно, теперь ищем отшиб с трансформаторной будкой. Ага, вон он, прямо рядышком от нас, метрах в ста пятидесяти.

Я кивком указал Алексу на отшиб, и он повел меня прямо к нему, обойдя по широкой дуге очередного Шокера.

Подойдя вплотную к маленькому, гудящему, двухэтажному кирпичному сооружению, я прислонил Горбуна к стене боком, и наконец дав рукам отдохнуть, взял Абакан и сказав Алексу, что бы он следил за обстановкой, открыл ржавую дверь и вошёл внутрь. Хоть тут было и темно, но света от двери было достаточно, что бы освятить самую, что не на есть простую, еще Советскую трансформаторскую. Хоть тут все было в паутине, и не хватало пару тройку ценных генераторов, она работала. Я уже не раз говорил, что в Зоне халявного электричества, хоть отбавляй. Наверно, даже ученые используют эту будку в качестве очередной аварийной подстанции, если вообще не основной. Так, третий рубильник слева, вижу. Я взял, одолженный у Алекса штык, и ловко справившись с шурупами, наконец, снял рубильник, так, по идее эти провода поднимаются, я запустил руку в переплетённый комок из различного рода проводов и изоляции и слабо начал

приподнимать фальш – крышку. Наконец и это осталось позади. Моим глазам предстало два больших армейский ящика, на одном из них прямыми маленькими русскими буквами читалось Дб, а второй был без каких-либо особых примет, и я решил его не трогать, припомнив наставления Дюшеса, целее буду. Включив маленький фонарик, я открыл крышку ящика, в котором по идее должны были лежать мои вещи. Как только крышка ящика упала вниз, с нее слетел довольно объёмный слой пыли и поднялся в воздух. Однако это мне не помешало, но следует отметить, что Дюшес давно сюда не наведывался.

Под крышкой лежал средний контейнер для артефактов, странного вида черный шлем с забралом, пара удобных и широких кевларовых наплечников и пара вещей, которые были скрыты тряпками, и если под одной из них явно угадывался автомат, то под второй маленькой тряпочкой лежащей под автоматом, мне пока не удавалось различить.

Я медленно и аккуратно начал вытаскивать свои, как сказал Дюшес старые вещи. В них скрывалось, что то забытое и родное, так что я сразу понял, что это мое. Ловким движением я нацепил свои наплечники поверх Иерихонского жилета, сидят как родные чертовки. Затем положил респиратор закрытого типа в рюкзак, и наконец, заглянул в контейнер и ахнул. Там внутри, на дне контейнера лежал ценнейший артефакт под названием Красный Крест, который способствовал практически моментальному заживлению ран, ма-

ленький крестовидный артефакт слабо болтался внутри контейнера, и, судя по синеватому излучению, был полностью за эти годы заряжен, от особой энергетики Зоны. Я положил в ящик свой маленький контейнер, взамен на вновь обретенный. Затем я вытащил на свет тряпку с автоматом, и, расчехлив его, опять удивился необычности находящихся там вещей. Казалось бы, обычный автомат Калашникова, только создавалось такое ощущение, что он покрашен серебряной хромированной краской. Даже в темноте, я видел свое отражение на дуле и железных составляющих автомата. Так же свой Абакан я положил внутрь, закрыв его тряпкой. Наконец пришла очередь последнего предмета, взяв его в руку, я почувствовал, что предмет, скрытый от взора тряпками, весьма легкий. И с детской готовностью расчехлил и этот свой предмет. Им оказался хитроумно склепанный нож. Фактически ножны этого ножа крепились на руку на манер наручи и при особой фиксации кисти руки, клинок моментально оказывался в ладонке. А что, практично, и удобно. И этот свой старый нож – наручи я тоже моментально закрепил на правую руку, пару раз выкидывал нож, и второй рукой вставлял его обратно. Что ж, спасибо брат, что сохранил родные сердцу вещи в сохранности, отплачу хабаром.

Я начал собираться, но закрывая крышку ящика, я увидел на дне, правда уже под Абаканом, еще одну незаменимую вещь, которая мне понравилась. Кукри – мачете скрывался в набедренном чехле под клинком, вытащив его из ножен, я

натолкнулся на гравировку:

«ЖНЕЦ»

Матерь божья, мой именной кукри, всегда о таком мечтал, ей Богу спасибо Дюшес. Как только убрав все ненужное и закрутив рубильник, я перевесил свой новенький – старенький АК через плечо и пошел к выходу, готовя штык, что бы отдать его Алексу.

И как только, я с прекраснейшим настроением вышел из будки, я сразу встретил взглядом дуло двустволки. Икаться, не игратья! Бандиты, мать вашу бандиты, трое из ларца блин, все в кожаных плащах, балаклавах, и при стволах, которые смотрят одновременно на всю нашу команду. Алекса застали врасплох, когда тот перешнуровывал ботинки, и сейчас мы с ним стоим, задрав лапы в небо, и смотрим прямо в глаза смерти.

– Сушай сюда, боровичок, перо на землю пока ласты не склеил, – сильным голосом проговорил тот, который держал Алекса на прицеле, – Ну, чего медлишь, или щас твоего друга продырявлю. – Бандит ткнул Алекса стволом в грудь.

– Погоди Родя, сышыш тут эта, фигня какая то, получается, – Ответил ему второй, который держал меня на мушке.

– Че там?

– Ну смотри, Тут Кирпич, Одиночка и Птица.

Так. Ну то что я Кирпич, то беж Иерихонец, это я понял. Алекс вообще не пользуется отличительными знаками кла-

на, так что за одиночку его принять могли вполне. Птица, тоже объяснимо, на бандитском жутком жаргоне это означает члена группировки Куба. Так у меня в руках штык, в руке еще один нож, может сработать, только отведи от меня ствол придурок!

– Ну и че, сушай Вася, я те ща мурло начищу, те Борька че сказал, то и делай! – Вставил третий, смотрящий очередной лупарой в Горбуна.

– Не не не пасаны. Тут чето не чисто типо, они ж грызуться, ну, птицы с кирпичами. А тута вместе, да еще и с одиночкой. – Не унимался бандит смотрящий на меня.

– Те какая хрен разница? Смотри какой птица подцапанный, да и вообще походу дылда схрон снял, смотри какая пукалка, аж сияет.

– Лады, согласен, ну все здоровячек, крылья вниз, и без фокусов, а то все, чики – брики и в дамки. – С этими словами бандит перебросил ствол своей гаубицы за спину. Ай, молодца коротышка. Я подмигнул смотрящему на меня Алексу в сторону бандита, который держал на прицеле Горбуна, Алекс все понял и ждал представления. А оно, было на подходе.

Медлить было нельзя. На замахе руки, я выпустил штык Алекса точно в голову бандита, державшего на прицеле хозяина этого штыка. Бандит, который стоял сзади Алекса и держал на прицеле Горбуна, начал было вести стволом своей пушки к Алу, но тот оказался быстрее, выхватив из за своего

пояса «Скорпиона» Алекс ловко прошил пузо незадачливо-му охотнику за честными бродягами. Оставался только мой бандит, и клинок в руке, который жаждал крови. Повернув кисть, клинок на пружине выскочил мне в ладошку, и когда рукоятка появилась в моей руке, я коротким движением вогнал маленький ножик между ребер бандиту и резко повернул. Глаза и рот бандита широко открылись, он вцепился в меня, как утопающий в спасательный жилет, а я хладнокровно еще несколько раз повторил кровопускание. Бандит начал медленно сползать по моей груди, завис на ноге, вцепившись леденеющими пальцами в мой новенький автомат.

– Су-у-ка... – С этими словами бандит упал навсегда. Я откинул его тело ботинком и посмотрел на побоище. Три трупа, меньше минуты, что ж, как говорят, профессионализм не пропьешь.

Мы с Алексом целы и невредимы, Горбун как был без сознания, так и остался, я быстренько обобрал бандитов, и снова навьючив на себя Горбуна, пошел дальше по дороге. Если бы то, что не заставило нас остановиться. Бандит, которого прошил Алекс, пришел в себя, такое бывает, и мы-то дураки не добились их одиночными, за это немного поплатились. Мы начали оборачиваться слишком поздно.

– Ааа мля-я-я, пасаны, я маслину словил! От Суки!

Раздался грохот выстрела, я скинул Горбуна прямо на спину, и увидел, как Алекса подкинуло и развернуло в кусты. Второй выстрел прошелся в метре от меня, когда я пой-

мал голову бандита в прицел и выстрелил.

Ни отдачи, ни звука выстрела. Сперва я усомнился, что вообще выстрелил. Но мозги бандита, оставленные на стене будки, говорили об обратном, однако времени удивляться не было. Я влетел в кусты, Алекс был жив, его бронежилет спас его от основного выстрела, но пара крупниц дроби все-таки прошли его сбоку, теперь он лежал и корчился, держась за бок, откуда обильно распространялось багровое пятно.

Недолго думая я нырнул в контейнер для артефактов и приложил спасительный крест к боку Алекса, предварительно распоров ножом одежду. Кровь остановилась, прямо на моих глазах, раны стали заживать, покрываясь ужатыми рубцами. Ну, ничего, лучше с рубцами, нежели с дыркой. Артефакт потух, израсходовав накопленный заряд, а Алекс снова был цел, здоров и не верил чуду, которое произошло. Я оставил Алекса отдышаться, а сам пошел подбирать Горбуна, попытался убрать артефакт обратно в контейнер, но обнаружил, что контейнер продырявлен. Мой собственный контейнер продырявлен! Столько лет лежал и ничего, а тут на тебе! Ладно, потом залатаю. И спрятав целительный артефакт в разгрузочный жилет, снова понес Горбуна к Лагерю, стараясь поскорее уйти от этого места. Алекс догнал меня через несколько метров, и от души поблагодарив, принялся рассматривать мой АК. Мы спустились вниз по дороге, прямо к воротам Лагеря Ученых.

– Слушай брат, я таких вещей как у тебя никогда прежде не видел, ну за исключением Креста, спасибо ему, родному, и шлема.

– А я вот уже кое что припоминаю, только смутно еще, слушай, – сказал я, поправляя надоевшего мне Горбуна, – а что за респиратор, ты говоришь, что уже видел такие.

– Ну да, помнишь, около нескольких лет назад была группировка «Корни»? Так вот, командиры подразделений в таких ходили, кстати, они имели страшную привычку их помечать, ну кому они принадлежали, я конечно могу ошибаться, но дайка посмотрю, – он полез в мой рюкзак, который тащил всю дорогу, поскольку я пер на себе Горбуна, – О! Точно! Олег «Голландец» Пушкарев! Ну и здоровый же он наверно был, раз тебе шлем то в пору. Помнишь, чего ни будь?

– Не – а, шлем помню, а остальное как то обрывками.

– Ну что бы там у тебя и Дюшесом не было с Корнями, шлем очень хороший. Тут видишь, вот здесь, за задней частью, два маленьких сжатых кислородных баллона. Так что, если окажешься в местах с отравленным воздухом, этот шлем незаменим, так как выступает еще и в качестве противогаза с бессменными фильтрами.

– Ладно, – сказал я, смотря, как Алекс убирает шлем в рюкзак, – а по поводу автомата, что можешь сказать?

– Только то, что я никогда такого «калаша» семьдесят четвертого не видел. Во первых светиться, а во вторых бесшумно стреляет. Выглядит, как будто его только с конвейера вы-

пустили, да хромом покрыли, но это невозможно. Да и патроны то обычные, – сказал он, отстегнув рожок, – однако, знаешь, что, с места которого ты стрелял, я гильзы не обнаружил.

– Это как?

– А давай посмотрим, не против, если я шмальну разок? Ну, вон хоть, по вороне.

– Давай, заодно хоть погляжу со стороны так сказать, на свой ствол в действии.

– Это мы сейчас... – Сказал Алекс, уже передернув затвор и целившийся в сидячую на обочине ворону. И опять, не звука выстрела, и судя по изменившемуся лицу Ала, без отдачи, а ворона на куски. И тут я заметил очень странную вещь, гильза, которая вылетела из рамы и, не долетев до земли, рассыпалась в пепел.

– Продашь? – Спросил Алекс с улыбкой до ушей.

– Найди себе такой же, – сказал я, продолжив идти по дороге, – ну как?

– Вещь. Пожалуй, это лучшее, из чего я когда – либо кого – то убивал.

– Гильза в пепел обратилась, вот почему ты ее не нашел. Скорее всего, этот «калаш» я, когда то из аномалии вытащил, ну или Дюшес.

– Одни плюсы слушай.

– И не говори.

Ускорив шаг, минут через пять мы уже стояли перед

огромной гидравлической бронированной дверью, хотя дверью это было слабо назвать, скорее это были ворота, которые могли выдержать ядерный удар, что бы бронемашины и караваны с медикаментами и должным оборудованием могли без лишних проблем заехать и выехать. Наконец покурив напоследок по две сигаретки, я постучал в дверь. На территории лагеря курить строго запрещено, а по быстрому через трехметровый забор не перелезешь. Не говоря уже и про колючку и метровой толщины стены. Настоящая крепость.

Спустя минуту из маленького окошечка, внутри маленькой по сравнению с основными воротами дверцей. Раздался кашель и грубый бас заговорил с нами, приоткрыв оконце.

– Кто?

– Путники, с Иерихона.

– Ты то да, а вот мелкий с покоцанным, чего то не очень на Иерихонцев тянут.

– Слушай диду, – сказал я, заметив его пышные седые усы, – У меня дело к Забенскому, – и подкинув Горбуна, добавил, – вот по этому поводу. Загнётся ж собака, открывай, давай, добра не забуду!

– Ладно, ладно, только стволы за спину, ну и сами понимаете, без глупостей.

Дождавшись, когда маленький пухлый военпуть пропустит нас внутрь и осмотрит, я пошел по прямой дороге между КУНГов, из которых туда – сюда бегали лаборанты.

Я точно знал куда идти, Алекс остался на КПП, присмат-

ривая за нашим снаряжением, да и с молодой лаборанткой поговорить о жизни Алекс хотел больше, нежели смотреть на старого профессора, который будет препарировать моего врага, которого я пер на себе почти от Березовой Роши. Лаборантам абсолютно не было никакого дела до огромного, перемазанного в земле и кровищи путника, который тащил на себе бездыханное тело, здесь если это и не в порядке нормы, то случается чуть ли не каждый день. Поймав на себе несколько брезгливых взглядов, я свернул к больничному корпусу, где должен был находиться Забенский.

Переступив небольшой порог этого корпуса, создавалось такое ощущение, словно ты из того, грязного и уродливого мира Зоны, очутился в белоснежной цивилизации бессмертной медицины. Вдоль коридора, по которому я шел, снова все те же лаборанты, одни с колбами, другие с артефактами, третьи с какими-то приборами неизвестного мне назначения. Пройдя этот, достаточно просторный и длинный коридор, попутно кивая знакомым головастикам, наконец, я оказался перед «кабинетом» профессора Забенского. У меня каждый раз не поворачивается назвать это место кабинетом. Нет, это был обычный приемный кабинет с кушеткой да столом и парой стульев, наверно еще тех же самых Советских времен. Просто мой старый товарищ никогда не держал его в чистоте, хотя сам был как с иголочки. В этом месте прямо на кушетке могли спокойно расположиться несколько кусков кровоточащей радиоактивной плоти, и пара недоеден-

ных бубликов, кипы бумаг валялись везде, где только можно, и как профессор вытаскивал оттуда информацию, остаётся для меня загадкой, и по сей день. Держа Горбуна одной уже онемевшей рукой, второй я постучал в дверь и открыл ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.